ИМПЕРИЯ И НАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей

«Новое издательство»

2011

Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей / «Новое издательство», 2011

Как обретают историческую генеалогию феномены современной политики и идеологии? Чья память доминирует на многоуровневом имперском и постимперском пространстве и как обеспечивается это доминирование? Что характерно для культуры памяти в посткоммунистических обществах? На эти и другие вопросы отвечают статьи профессиональных историков, собранные в книге «Империя и нация в зеркале исторической памяти».

, 2011
© Новое издательство, 2011

Содержание

От составителей 5
Яель Зерубавель 7
Этьенн Франсуа 18
Тони Джадт 27
I 27
II 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей

От составителей

Когда профессиональная историография дискредитирует себя в глазах общества – из-за систематических искажений, умолчаний или просто отчуждающе-схематичного стиля письма – люди обращаются непосредственно к исторической памяти в поисках сокровенной правды о прошлом. Не случайно два главных полюса общественного сознания времен перестройки были представлены двумя, по сути, одноименными центрами: националистически-консервативной «Памятью» и западнически-прогрессистским «Мемориалом». Именно радикальная политика памяти конца 1980-х годов лишила советский строй политической легитимности и привела к распаду СССР. Однако одновременно, во второй половине 1980-х годов, исследования исторической памяти оказались модным методологическим направлением европеистики. Сегодня история коллективной памяти (не путать с сугубо психологическими и нейрофизиологическими аспектами изучения индивидуальной памяти) является общепризнанной и вполне респектабельной научной дисциплиной. Однако, когда журнал Ab Imperio обратился к этой проблематике в рамках годовой программы 2004 года, оказалось, что ставшая почти «классической» история памяти полна нерешенных проблем и открытых вопросов.

Ab Imperio является первым (и, пожалуй, единственным) российским историческим журналом, интегрированным в международный научный процесс. Это проявляется и в присутствии журнала в ведущих академических индексах, формальной ассоциированности с ASEEES (Ассоциацией славянских, восточноевропейских и евроазиатских исследований), неукоснительном следовании принципу двойного анонимного рецензирования присылаемых материалов, да и в том, что три четверти авторов журнала живут и работают за пределами России. Основанный в 2000 году, этот двуязычный ежеквартальник (публикующий материалы на русском или английском) четко следует формату тематических годовых программ, которые анализируются в четырех тематических номерах. В 2004 году тема года была сформулирована как «Археология памяти империи и нации: конфликтующие версии имперского, национального и регионального прошлого». Редакция пригласила авторов приложить сложившийся канон истории коллективной памяти к российской ситуации полиэтничного, многоконфессионального и мультикультурного разнообразия. Оказалось, что вопрос «чья память?» является далеко не риторическим, что проявляется, в частности, в проблемах с написанием учебников, одинаково воспринимающихся в Москве и в Казани, на Кавказе и в Сибири. Чья версия событий прошлого берет верх, насколько историческая память подвержена манипуляциям, как действуют механизмы самоцензуры, вытеснения, амнезии? Эти вопросы оказались созвучными тем, что задают исследователи имперского пространства и его многообразия: насколько монолитным или сложносоставным является субъект власти и доминирования в империи, как сочетаются в едином имперском пространстве различные социальные иерархии (сословные, классовые, конфессиональные, этнические и т. д.). Принципиальная несводимость общественной памяти к одному национальному мифу отражает общую принципиальную несводимость имперского пространства к тем, преимущественно национальным, категориям, которыми это пространство описывают исследователи.

Главным итогом годовой исследовательской программы, посвященной исторической памяти империи и нации, стала наглядная демонстрация «многоголосия» исторического нарратива, принципиальная невозможность адекватного рассказа о прошлом с какой-либо одной точки зрения, в рамках одной непротиворечивой «истории». Этот взгляд на прошлое и спо-

соб рассказа о нем лег в основу «новой имперской истории» – направления, одним из лидеров которого является Ab Imperio. «Новая имперская история» посвящена изучения империи не как «вещи», формальной структуры власти или экономической эксплуатации, а как «имперской ситуации». Для нее характерно не просто крайнее разнообразие общества и разношерстность населения, но принципиальная несводимость этого разнообразия к какой-то единой системе. С точки зрения истории памяти проблема сводится не столько к противоречию «памяти» и «фактов», сколько к несовпадению «русской», «украинской», «еврейской», «татарской» и прочей памяти, памяти элит и непривилегированных слоев, горожан и деревенских жителей. Та единая национальная память, которую пытались реконструировать французские историки под руководством Пьера Нора, в «имперской ситуации» России распадается на конфликтные или, по меньшей мере, несовпадающие локальные и частные «памяти». Публикуемые в этом сборнике материалы знакомят читателей с каноном «истории памяти» в том виде, в каком он сложился к концу 1990-х годов (статьи Яель Зерубавель и Этьенна Франсуа). Показывают, какую роль общественная память играет в социально-политической мобилизации в переломные эпохи (Андреас Лангеноль, Стефан Требст) и в текущей политической ситуации (Тони Джадт, Рональд Григор Суни). Именно с учетом этих особенностей функционирования и восприятия общественной памяти мы предлагаем рассматривать сюжеты, связанные с интерпретацией российской/советской истории (в статьях Игоря Мартынюка, Сергея Маркедонова, Сергея Плохия, Владимира Бобровникова и Сергея Румянцева) и современной государственной политикой памяти в постсоветских странах (в статье Виктора Шнирельмана).

Яель Зерубавель
Динамика коллективной памяти

Коллективная память в последнее время оказалась в центре целого ряда междисциплинарных исследований. Настоящее исследование тоже принадлежит к быстро растущему числу работ, посвященных изучению процесса социального конструирования коллективной памяти и взаимоотношений между памятью и историей, исторической наукой. Меня интересует та роль, которую в современной общественной жизни играют различные нарративы и ритуалы, призванные донести до новых поколений память о тех или иных выдающихся событиях прошлого. Меня также интересует воздействие этих рассказов и ритуалов на политическую жизнь и то, каким образом общество иммигрантов, создавая принципиально новый образ своего народа, новое национальное самосознание, новую национальную культуру, переосмысливает свои исторические корни. Коллективная память об обретенных исторических корнях придает социуму новый импульс, становится средством выражения новых идей и ценностей. В этом процессе новая нация опирается как на историческую науку, так и на традицию. Избирательно используя тот материал, который они поставляют – то отвергая, то принимая их заключения, то подавляя, то развивая их положения, – новая нация заново создает свою память, формирует новую национальную традицию.

Мое исследование рассматривает исторические события, однако оно не историческое в строгом смысле слова. Все внимание здесь сосредоточено на вопросе о том, что помнят о каких-либо исторических событиях люди, принадлежащие к одному социуму, как они их интерпретируют, как создается общее для всех понимание этих эпизодов прошлого, как оно меняется со временем. Меня интересует тот уровень исторического знания, который в конечном счете приобретает самый глубокий смысл в контексте повседневной жизни. По замечанию выдающегося американского историка Карла Беккера, на жизнь общества, на ход событий самое большое влияние оказывают те *исторические познания, которые заключены в головах обычных людей*. Нельзя сказать, что, раз люди не хотят читать сочинения историков, историческая наука никак не влияет на ход событий. Знакомо ли большинство людей с историческими исследованиями или нет – так или иначе все они имеют какое-то представление о прошлом. И эта картина, существующая в их сознании – пусть даже она не имеет почти ничего общего с реальным прошлым, – помогает сформироваться их представлениям о политике и обществе.[1]

Итак, я рассматриваю тот уровень исторического знания, который Морис Хальбвакс называет коллективной памятью[2]. По замечанию М. Хальбвакса, каждая группа людей создает свою память о собственном прошлом – память, которая подчеркивает особенности этой группы, отличает ее от всех других. Воссозданные в общественном сознании образы прошлого дают данной группе возможность представить свою историю – происхождение и развитие, – что, в свою очередь, позволяет этому сообществу узнавать себя в череде столетий[3]. Хотя носителями коллективной памяти выступают отдельные люди, она шире их индивидуальной авто-

[1] *Becker C. L.* What Are Historical Facts? // Detachment and the Writing of History: Essays and Letters of Carl L. Becker / Ed. by Phil L. Snyder. Ithaca, 1958. P. 61; курсив мой.

[2] *Halbwachs M.* La Mémoire collective [1950] // Halbwachs M. The Collective Memory / Trans. by F.J. and V.Y. Ditter. N.Y., 1980. P. 50—87. См. также: *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire [1925] // Halbwachs M. On Collective Memory / Engl. trans. and intr. by Lewis A. Coser. Chicago, 1992. P. 37–189.

[3] *Halbwachs M.* The Collective Memory. P. 86.

биографической памяти, поскольку основывается на передаче знания от одного поколения к другому.[4]

Значительный вклад М. Хальбвакса в изучении данной проблемы состоит в том, что в своем основополагающем исследовании он дал определение коллективной памяти, проведя четкое различие между ней и другими формами памяти – автобиографической памятью личности и историческим сознанием. Труды М. Хальбвакса, в которых подчеркивалось значение социального контекста, «социальных рамок» (cadres sociaux) для понимания коллективной памяти, вдохновили растущее число работ, посвященных изучению социальных и политических аспектов поминания/коммеморации – сохранения в общественном сознании памяти о каких-то значимых событиях прошлого, «увековечивания памяти» о прошлом[5]. Однако, как мне кажется, стремление Хальбвакса подчеркнуть особые свойства коллективной памяти привело его к переоценке различий между памятью и историей, исторической наукой. Именно потому Хальбвакс и писал о них как о двух противоположных друг другу способах репрезентации прошлого. История, как результат скрупулезного изучения исторических источников, представляет собой «квинтэссенцию органической науки», она неподвластна давлению окружающей социополитической реальности. Коллективная память, со своей стороны, является неотъемлемой частью общественной жизни, а стало быть, постоянно трансформируется в ответ на меняющиеся потребности социума.[6]

Это противопоставление отчасти объясняется взглядом Хальбвакса на коллективную память и историческую науку как на два разных этапа в развитии человеческого познания прошлого. Историческая наука как основной способ познания прошлого возникает, с точки зрения Хальбвакса, тогда, когда слабеет сила традиции и социальная память угасает[7]. Научное изучение прошлого, таким образом, несет на себе печать современной эпохи, дискредитировавшей «память как форму связи с прошлым». В этом смысле можно сказать, что современный французский историк Пьер Нора идет по пути, проложенному М. Хальбваксом. П. Нора разделяет убежденность своего предшественника в спонтанной и динамичной природе коллективной памяти, находящейся «в постоянной эволюции, открытой для диалектики воспоминания и забвения, не осознающей свои постоянные изменения, легко поддающейся манипулированию и присвоению, порой угасающей на какое-то время, чтобы затем снова пробудиться к жизни»[8]. Однако историческая наука, как критический дискурс, возникла в противопоставлении памяти и стремится ее подавить. Таким образом, утверждает Нора, с угасанием живых традиций в современном обществе мы застаем лишь их реликты, «архивные формы» памяти, которые можно найти в особых, изолированных от обычного течения жизни «местах» (les lieux de mémoire). Эти места представляют собой, «в сущности, не что иное, как останки, последние

---

[4] В то время как автобиографическая память относится к событиям, которые человек непосредственно пережил, коллективная память включает в себя и такие события прошлого, которые не связаны с личным опытом отдельных людей, но известны им в пересказе других лиц. Однако, как подчеркивает М. Хальбвакс, эти две формы памяти связаны между собой, о чем свидетельствует практика устанавливать дату того или иного события личной жизни, ориентируясь на социально значимые вехи (такие, например, как войны). См.: Ibid. P. 44—49.

[5] См., например: *Schwartz B.* The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // Social Forces. 1982. № 61. P. 374—402; Les Lieux de mémoire / Sous la dir. de Pierre Nora. Paris, 1984. Vol. 1: La République; *Lowenthal D.* The Past Is a Foreign Country. Cambridge, 1985; *Schwartz B., Zerubavel Y., Barnett B.* The Recovery of Masada: A Study in Collective Memory // Sociological Quarterly. 1986. Vol. 27. № 2. P. 147—164; *Hutton P.H.* Collective Memory and Collective Mentalities: The Halbwachs-Ariès Connection // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 1988. Vol. 15. № 2. P. 311—322; *Connerton P.* How Societies Remember. Cambridge, 1989;*Kammen M.* Mystic Chords of Memory. N.Y., 1991; Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. by John R. Gillis. Princeton, 1994.

[6] *Halbwachs M.* The Collective Memory. P. 78—87.

[7] Ibid. P. 78—83. Наблюдения Иосифа Хаима Иерушалми об угасании исторической памяти иудеев параллельно с развитием в XIX веке современного светского подхода к изучению истории еврейского народа подтверждают эту точку зрения. См. его книгу: *Yerushalmi Y.H.* Zakhor: Jewish History and Jewish Memory. Seattle, 1982.

[8] *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 8.

воплощения мемориального сознания, которое почти исчезло в наши дни, в эпоху, постоянно занятую поисками прошлого, поскольку память о нем оказалась утраченной».[9]

Как замечает Патрик Хаттон, не многие специалисты сегодня согласятся со взглядами Хальбвакса на историческую науку, высказанными французским социологом в его работе «Коллективная память»[10]. Ни одно историческое исследование не может претендовать на исчерпывающую полноту – оно неизбежно ограничено взглядами автора, его выбором и организацией информации, законами жанра исторического повествования[11]. Конечно, историки могут стремиться соответствовать идеалу беспристрастного анализа событий прошлого, но они также принадлежат своему обществу и, будучи его членами, часто откликаются на господствующие в этом обществе представления о прошлом. Действительно, историки могут не только разделять те исходные посылки, на которых зиждется коллективная память, – своими работами они также могут способствовать формированию самих этих посылок, что хорошо видно на примере истории национальных движений.[12]

В то же время, вопреки своей динамичной природе, коллективная память не является суммой совершенно произвольных представлений о прошлом, нельзя также считать ее абсолютно независимой по отношению к исторической науке. Как отмечает Барри Шварц, подход Хальбвакса, «сосредоточенный исключительно на настоящем», подрывает само понятие непрерывности истории человечества, поскольку в нем слишком большой акцент ставится на способности коллективной памяти к адаптации. «Учитывая те ограничения, которые налагают на нас исторические источники, – считает Шварц, – прошлое нельзя полностью выдумать, создать заново как литературное сочинение, его можно только выборочно изучать»[13]. Подобно маятнику, коллективная память находится в бесконечном движении: от исторических источников – к современным общественно-политическим проблемам и задачам, от современности – обратно к свидетельствам о прошлом, стремясь объединить их между собой. Обращаясь к историческим источникам, коллективная память постоянно меняет свою трактовку событий, выборочно подчеркивая одни эпизоды, затушевывая другие, привнося какие-то новые штрихи. Таким образом, история и память не существуют независимо друг от друга, не развиваются в противоположных направлениях – они находятся в постоянной борьбе между собой, но в то же время они неизбежно зависят друг от друга[14]. Неоднозначность этих отношений и придает сохранению в обществе памяти о прошлом то творческое напряжение, благодаря которому коллективная память представляет собой столь интересный объект для изучения.

Коллективная память, как показывает настоящее исследование, вовсе не исчезла в наше время, ее нельзя рассматривать и как простой «пережиток прошлого». Вопреки обилию исторических изысканий, в современном обществе у людей по-прежнему создаются общие воспоминания о своей истории. И сегодня поэты и писатели, журналисты и учителя подчас играют гораздо более заметную – по сравнению с профессиональными историками – роль в формиро-

---

[9] Ibid. P. 12.

[10] *Hutton P. H.* History as an Art of Memory. Hanover, NH, 1993. P. 73—90.

[11] См.: *Collingwood R. G.* The Idea of History. Oxford, 1946. P. 236—249; *Becker C.L.* What Are Historical Facts? // What Is History? / Ed. by E.H. Carr. N.Y., 1971; *White H.* The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, 1987.

[12] *Funkenstein A.* Tadmit ve-Toda'a Historit ha-Yahadut uvi-Sevivata ha-Tarbutit [Как представляли историю евреев с древности до современности]. Tel Aviv, 1991. P. 28.

[13] *Schwartz B.* Op. cit. P. 393. См. также: *Schwartz B., Zerubavel Y., Barnett B.* Op. cit. P. 149—151, 158—161; *Schudson M.* The Present in the Past versus the Past in the Present // Communication. 1989. Vol. 11. P. 105—113;*Coser L.A.* Introduction // Halbwachs M. La Mémoire collective. Патрик Хаттон, рассматривая противоречия между теоретическими построениями Хальбвакса и его исследованием топографии Святой земли, приходит к выводу, что Хальбвакс был «историком памяти вопреки своим собственным взглядам». См.: *Hutton P. H.* Op. cit. P. 80—84.

[14] См. также написанное Натали Земон Дэвис в соавторстве с Рэндольфом Старном введение к специальному номеру журнала Representations (1986. Vol. 26. P. 5), посвященному коллективной памяти и контрпамяти.

вании бытующих в общественном сознании образов прошлого[15]. Широкий спектр формальных и неформальных средств, направленных на то, чтобы увековечить историю данного социума, помогает коллективной памяти сохранить свою жизненную силу. Праздничные торжества, фестивали, приуроченные к различным «знаменательным датам», памятники и мемориалы, песни, рассказы, театральные постановки, школьные учебники – все эти средства напомнить о славном прошлом вступают в соревнование с трактовками специалистов-историков.

Хотя М. Хальбвакс и подчеркивал пластичность и изменчивость коллективной памяти, в своих работах он прямо не касался вопроса о том, *каким образом* она трансформируется. В этом контексте понятие *коммеморации* – т. е. всех тех многочисленных способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом, – становится центральным для нашего понимания динамики изменения памяти[16]. Коллективная память обретает плоть благодаря множеству различных форм «коммеморации»: юбилейным торжествам, чтению рассказов, участию в мемориальной службе по погибшим, соблюдению традиционных религиозных обрядов в праздничные дни. Посредством всех этих ритуалов у данной группы людей формируются представления о тех или иных событиях прошлого, вырабатывается единство этих представлений, подбирается определенная словесная форма для их артикуляции[17]. Участие в подобных «коммеморативных ритуалах» позволяет людям не только оживить и подтвердить старые воспоминания о прошлом, но и изменять их. Для того чтобы выразить именно эту идею, в своем романе «Возлюбленная» американская писательница Тони Моррисон использует выражение «вспомнить заново» (to rememory): она показывает, как повторное символическое переживание прошлого меняет воспоминания о нем[18]. На уровне отдельного сообщества каждый акт «коммеморации» позволяет ввести в оборот новые трактовки прошлого, хотя повторение «коммеморативных ритуалов» способствует поддержанию в обществе ощущения непрерывности коллективной памяти.

В то время как историки-профессионалы и другие представители интеллектуальной элиты выстраивают свои суждения о прошлом в соответствии с правилами науки, для большинства людей представления о днях минувших формируются в первую очередь под воздействием множества различных форм «коммеморации». Более того, приобщение детей с самого раннего возраста к коллективной памяти происходит еще до того, как они знакомятся с исторической наукой, и потому коллективная память может иметь на них значительно большее влияние. Особенно важную роль в приобщении ребенка к национальным традициям играет школа. Ничто так не способствует закреплению в сознании образов и рассказов, воплощающих коллективную память данной социальной общности, как образование, полученное в раннем детстве. Итак, в детском саду и начальной школе из рассказов, стихотворений, песен и пьес ребенок узнает об основных исторических персонажах и событиях. Во всех этих жанрах факты часто перемешаны с вымыслом, история – с легендой, поскольку принято считать, что эта красочная смесь придает литературе бóльшую притягательность в глазах маленьких детей[19]. Эти произведения, призванные увековечить память о прошлом, вносят свой вклад в формирова-

---

[15] Джеффри Хартман утверждает, что перенасыщенность современных массмедиа всякого рода «невыдуманными историями», различной продукцией, основывающейся на воспоминаниях и документах, ошеломляюще воздействует на наше чувство реальности и истории, приводя к тому, что Хартман называет «дереализацией». См.: *Hartman G.H.* Public Memory and Modern Experience // Yale Journal of Criticism. 1993. Vol. 6. P. 240.

[16] *Halbwachs M.* The Collective Memory. P. 82. См. также утверждение П. Нора о том, что «места памяти» (lieux de memoire) сохраняются благодаря их способности к изменениям: *Nora P.* Op. cit. P. 19.

[17] См. рассуждения Э. Дюркгейма о ритуалах, связанных с сохранением памяти о каких-либо событиях: *Durkheim É.* The Elementary Forms of the Religious Life [1915] / Engl. trans. by Joseph Ward Swain. N.Y., 1965. P. 414—433.

[18] *Morrison T.* Beloved. N.Y., 1987.

[19] См. также: *Zerubavel Y.* The Holiday Cycle and the Commemoration of the Past: Folklore, History, and Education // Proceedings of the Ninth World Congress of Jewish Studies. Jerusalem, 1986. Vol. 4. P. 111—118.

ние чувств и представлений, связанных с историей, которые могут сохраняться и в дальнейшей жизни, даже если впоследствии человек познакомится с исторической наукой.

Каждый акт «коммеморации» воспроизводит «коммеморативный нарратив» – рассказ о тех или иных исторических событиях, объясняющий причины, по которым общество в ритуализированной форме вспоминает об этом эпизоде прошлого, и заключающий в себе нравственный урок членам данного социума. Конечно, создавая это повествование, коллективная память опирается на исторические свидетельства. И все же источники используются здесь творчески и избирательно. Такой «коммеморативный нарратив», как и сочинения историков, отличается от хроники тем, что подвергается определенной литературной обработке (нарративизации) – превращается из простого перечня фактов в связный рассказ. Как показывает Хейден Уайт, отбор и организация большого числа фактов в повествовательную форму требует соблюдения определенных правил, предъявляемых в первую очередь поэтикой литературного жанра [20]. Сходство исторического сочинения с художественным текстом, подмеченное Уайтом, особенно хорошо заметно в случае «коммеморативного нарратива», где границы между вымыслом и реальностью еще более размыты[21]. Творческий потенциал «коммеморативного нарратива» – потенциал, ограниченный, впрочем, рамками, заданными историческими изысканиями, – равно как и манипулирование в этом нарративе историческими источниками путем сознательного затушевывания одних фактов и домысливания других сюжетов, и исследуется в настоящей работе.

Каждое действие, направленное на поддержание памяти о прошлом, каждый «акт коммеморации» воссоздает какой-то один отрезок этого прошлого, и потому такая память фрагментарна по своей природе. И все же все действия, взятые вместе, слагаются в *общую повествовательную конструкцию*[22], или схему повествования, которая упорядочивает и приводит в систему коллективную память. Под этим термином я понимаю общие представления об истории, основную «сюжетную линию», которая определяется всей культурой данного социума и формирует у его членов единое понимание их прошлого.[23]

Итак, для того, чтобы по-настоящему оценить смысл тех или иных действий, направленных на сохранение памяти о каком-то эпизоде, важно рассмотреть их в контексте общей повествовательной конструкции, объединяющей воспоминания об отдельных событиях в обобщенные представления об истории. Исследование коллективной памяти о конкретном событии, таким образом, требует изучения истории этих действий в их связи с другими значимыми событиями в прошлом данного социума. Как мы увидим в дальнейшем, уподобление или противопоставление одних исторических событий и периодов другим само по себе уже является неотъемлемой частью формирования коллективной памяти.

В центре общей повествовательной конструкции заключены представления данной группы лиц о себе самих как об особой, отличной от всех других групп общности, находя-

---

[20] White H. Op. cit. P. 42. См. также: Mink L.O. Narrative Form as a Cognitive Instrument // The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding / Ed. by Robert H. Canary and Henry Kozicki. Madison, 1978. P. 143; *Lowenthal D.* Op. cit. P. 219—224.

[21] См. различие, которое проводит Х. Уайт между «дискурсом реальности» и «дискурсом воображаемого»: *White H.* Op. cit. P. 20. См. также высказанные им ранее идеи: *Idem*. Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. Baltimore, 1978. P. 51—80, 81–100; а также: *Mink L. O.* Op. cit. P. 144—145.

[22] Master commemorative narrative – дословно «коммеморативный мастернарратив». – *Примеч. пер.*

[23] Высказанное Жаном-Франсуа Лиотаром предположение о крушении метанарратива как источника легитимизации постмодернистского общества звучит весьма убедительно: *Lyotard J. F.* The Post-modernist Condition: A Report on Knowledge / Engl. trans. by Geoff Bennington and Brian Massunmi. Minneapolis, 1984. И все же я считаю, что глубокая человеческая потребность осмысливать события прошлого и настоящего, подыскивая им словесное выражение, продолжает утверждать себя на уровне как общества, так и отдельной личности. Таким образом, даже испытав сильнейшие потрясения, приводящие к разрыву памяти, люди могут создавать новые рассказы о своем прошлом, которые способствуют заполнению провалов в памяти. Даже в технологически высокоразвитом обществе существует потребность в создании общих повествовательных конструкций, общих схем повествования – хотя вполне возможно, что эти конструкции претерпевают значительные изменения, чтобы соответствовать меняющимся потребностям.

щейся в процессе исторического развития. В этом смысле общая повествовательная конструкция, объединяющая всю совокупность образов прошлого, вносит свой вклад в формирование нации, изображая ее как единый социум, проходящий сквозь века из одной исторической эпохи в другую[24]. Движение из прошлого в будущее часто подразумевает линейную модель времени. Однако общая повествовательная конструкция порой отказывается от подобной модели, допуская пропуски, отступления и повторы, наложения одних исторических событий на другие. Годовой цикл праздников – светских и религиозных – как правило, нарушает течение времени, подчеркивая повторяющиеся события в коллективном опыте социума[25]. Действительно, противоречие между линейным и циклическим восприятием истории часто лежит в основании процесса формирования коллективной памяти[26]. Как мы увидим в дальнейшем, нарративы, объясняющие причины, по которым отмечается память об отдельных событиях, часто предполагают их уникальный характер, в то время как помещение этих рассказов в контекст общей повествовательной конструкции, общего нарратива, позволяет увидеть повторяющиеся мотивы в истории данного общества.

Поскольку в коллективной памяти подчеркиваются отличительные свойства данной группы, определяющие ее лицо, в общей повествовательной конструкции особо выделяется такое событие, которое знаменует момент возникновения этой группы как независимого социума[27]. Сохранение памяти о начале истории, несомненно, необходимо для того, чтобы показать особенности данного сообщества, установить его границы по отношению к другим группам. Акцент на «коренном отличии»[28] между данной общностью и всеми остальными нужен для того, чтобы с ходу отмести любые сомнения в легитимности этой общности, в ее праве на существование. Сохранение памяти о возникновении сообщества обосновывает его притязания на независимость – часто путем демонстрации его глубоких корней, теряющихся во мраке веков. Национальные движения в Европе стимулировали значительный общественный интерес к крестьянскому фольклору, поскольку их участники верили в то, что фольклор служит неоспоримым свидетельством уникальности национального прошлого и народных традиций[29].

---

[24] Говоря о природе национализма, Ханс Кон утверждает, что «национализм – это состояние ума, присущее большинству людей и претендующее на то, что оно свойственно всем членам данного общества» (*Kohn H.* The Idea of Nationalism. N.Y., 1944. P. 16). Бенедикт Андерсон и Хоми Баба развили идею о том, что нация представляет собой продукт общественного сознания, определив ее как «воображаемое политическое сообщество»: *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983. P. 14—16, 31; *Bhabha H.K.* DissemiNation: Time, Narrative, and the Margins of the Modern Nation // Nation and Narration / Ed. by Homi K. Bhabha. London, 1990. P. 290—322.

[25] Вопреки распространенному представлению о том, что современность (modernity) связана с линейной трактовкой времени, Эвиатар Зерубавель показывает, каким образом циклическое понимание времени до сих пор пронизывает современную повседневную жизнь. См.: *Zerubavel E.* Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. Chicago, 1981; а также: *Idem*. The Seven Day Circle: The History and Meaning of the Week. N.Y., 1985.

[26] См.: *Terdiman R.* Deconstructing Memory: On Representing the Past and Theorizing Culture in France since the Revolution // Diacritics. 1985. Vol. 15. P. 28—32. Хоми Баба рассматривает противоречие между «педагогическим» и «перформативным» (ритуальным) аспектами общей повествовательной конструкции, объединяющей совокупность представлений о прошлом той или иной нации. Если педагогический аспект подразумевает «непрерывно текущее, линейное время, аккумулирующее в себе прошлое», то перформативный аспект представляет время как «повторяющееся, возвращающееся назад» – другую стратегию, используемую в создании национального нарратива. См.: *Bhabha H. K.* Op. cit. P. 297.

[27] См. обсуждение вопроса о культурной значимости истоков: *Eliade M.* Myth and Reality. N.Y., 1963. P. 21—53, а также: *Warner W.L.* The Living and the Dead: A Study in the Symbolic Life of Americans. New Haven, 1959 [Yankee City Series. Vol. 5]. P. 156—225; *Schwartz B.* Op. cit. P. 374—402.

[28] Как полагает Эвиатар Зерубавель, формирование идеи «коренного отличия», «великого разрыва» приводит к возникновению «ментальных лакун» в общественном сознании – в противном случае мы воспринимали бы реальность как непрерывную. Более подробное обсуждение этих понятий см.: *Zerubavel E.* The Fine Line: Making Distinctions in Everyday Life. N.Y., 1991. P. 21—32. Значимость этих проблем в контексте новых (или возобновленных) национальных притязаний очевидна в Европе после падения коммунистических режимов.

[29] *Wilson W. A.* Folklore and Nationalism in Modern Finland. Bloomington, 1976; *Herzfeld M.* Ours Once More: Folklore, Ideology, and the Making of Modern Greece. N.Y., 1986; *Handler R.* Nationalism and the Politics of Culture in Quebec. Madison, 1988; *Silverman C.* Reconstructing Folklore: Media and Cultural Policy in Eastern Europe // Communication. 1989. Vol. 11. P. 141—160.

Точно так же ближе к нашим дням можно найти примеры попыток воссоздания или изобретения древних традиций, призванных показать общие исторические корни нации, уходящие в далекое прошлое.[30]

Как заметил Пьер Нора, в современном обществе, как правило, отмечается именно «рождение» нации (а не ее «начала», «истоки»), что позволяет передать ощущение разрыва с прошлым[31]. Действительно, рождение символизирует одновременно и момент отделения данного социума от другой группы, и начало его новой жизни как независимого коллектива со своим собственным будущим. Смещение акцентов в передаче памяти о «начале истории» может также служить и средством изменения самосознания сообщества. В качестве примера можно сослаться на перемены, произошедшие не так давно в представлениях афроамериканцев о своем прошлом. Современное чернокожее население Америки стремится подчеркнуть свое африканское происхождение, что отразилось, в частности, и в самоназвании данной группы. В то время как слово «негр» ассоциируется с рабским прошлым этих людей, желание подчеркнуть свои более древние африканские корни ведет к переосмыслению их групповой идентичности как «афроамериканцев».

Общий смысл развитию социума придает периодизация его истории в коллективной памяти, которая вносит в события прошлого определенный порядок. Подобно другим аспектам коллективной памяти, такая периодизация предполагает постоянный диалог между прошлым и настоящим, изменяясь по мере того, как данное сообщество переосмысливает свою историю с текущих идеологических позиций. Отобрав из числа многих других возможных некоторые критерии, коллективная память делит прошлое на основные эпохи, при этом сложные исторические процессы и явления сводятся к простым сюжетным линиям. Сила коллективной памяти заключается не в скрупулезном, систематичном или особо искушенном реконструировании прошлого, а в создании простых и ярких образов, при помощи которых удается выразить и укрепить определенную идеологическую позицию.

Склонность коллективной памяти к изображению прошлого в черно-белых тонах приводит к нагнетанию контраста между различными историческими периодами и способствует формированию однозначного отношения к тому или иному этапу в развитии данного общества. Таким образом, в коллективной памяти одни периоды представлены как важные шаги, сделанные этим обществом в своем развитии, в то время как другие изображаются как эпохи упадка. Как правило, эпохи первопроходцев, захвата чужих земель или борьбы за независимость получают позитивную оценку в истории нации. Напротив, те времена, когда данный народ входил в состав империй, характеризуются негативно, как эпохи, не позволившие полностью реализоваться его законному праву существовать как независимая политическая единица.

Приведение представлений о прошлом в определенную систему в ходе создания общей повествовательной конструкции также выявляет *коммеморативную плотность* тех или иных исторических периодов, что Леви-Стросс называл функцией «давления истории»[32]. Под «коммеморативной плотностью» мы имеем в виду то значение, которое общество приписывает различным отрезкам своего прошлого: в то время как одни периоды занимают привилегированное положение в общественном сознании, им посвящено множество памятных торжеств и ритуалов, другие привлекают к себе лишь незначительное внимание или оказываются полностью преданными забвению. Таким образом, «коммеморативная плотность» выше всего у тех эпох

---

[30] Бернард Льюис приводит примеры стран Ближнего Востока и Африки, попытавшихся изменить свое национальное прошлое: *Lewis B.* History: Remembered, Recovered, Invented. Princeton, 1975.

[31] *Nora P.* Op. cit. P. 16—17.

[32] Выражение К. Леви-Стросса. Леви-Стросс говорит о возникновении «горячих» и «холодных» хронологий как результате «давления истории». См.: *Lévi-Strauss C.* The Savage Mind. Chicago, 1970. P. 259—260. См. также: *Warner W.L.* Op. cit. P. 129—135; *Schwartz B.* Op. cit. P. 375—377.

или событий, которые занимают ключевое положение в историческом сознании данной группы и сохранению памяти о которых посвящаются значительные усилия. Ниже всего «коммеморативная плотность» тех эпох, которым в рамках общей повествовательной конструкции почти не уделяется внимания. Периоды или события, которые подавляются и затушевываются в коллективной памяти, становятся объектом *коллективной амнезии*. Таким образом, конструирование общей повествовательной конструкции позволяет увидеть динамику воспоминания и забвения, лежащую в основе создания любого нарратива, объясняющего причины, по которым общество находит нужным сохранять память о каких-то событиях. В то время как в коллективной памяти все внимание уделено определенным сторонам прошлого, отброшенными неизбежно оказываются все другие его аспекты, считающиеся несущественными или потенциально опасными для хода повествования и передачи основного смысла прошлого с определенных идеологических позиций.

Бернард Льюис обращает наше внимание на феномен воссоздания забытого прошлого. Однако не менее важно подчеркнуть, что подобное воссоздание утраченного может привести к тому, что будут пропущены какие-то другие эпизоды. Воспоминание и забвение, таким образом, тесно взаимосвязаны в формировании коллективной памяти. Именно этот дуализм процесса обретения и сокрытия исторических корней я и собираюсь рассмотреть в настоящей работе.[33]

Повествовательная конструкция, выстраивая представления общества о прошлом в определенную систему, диктует свое собственное «летоисчисление» – исторические события сдвигаются, уплотняются, дополняются новыми деталями или, наоборот, опускаются, иным же из них придается преувеличенное значение. С помощью этих и других риторических приемов историческое время в рассказе трансформируется в *коммеморативное время – время памяти*[34]. Так, обилие подробностей в упоминании об одном эпизоде чаще всего приводит к тому, что в сознании людей историческое время растягивается, и, наоборот, скупой и слишком обобщенный образ, сохраняющийся в памяти о каком-то событии, сокращает его длительность, сводит ее до минимума в рамках всего повествования. […]

Хотя исторические изменения обычно занимают некоторое время и являются следствием определенных процессов, а не единичных событий, коллективная память склонна выделять отдельные эпизоды, представляя их как символические маркеры перемен. Несомненно, выбор одного знакового события гораздо лучше подходит для целей ритуализированного воспоминания, чем постепенный процесс перехода из одного состояния в другое[35]. В рамках общей повествовательной конструкции эти события предстают как *поворотные моменты*, изменившие ход исторического развития общества, – потому они и отмечаются с особым тщанием и торжественностью. В свою очередь, выбор определенных эпизодов прошлого в качестве таких поворотных моментов, подчеркивая драматизм перехода от одной эпохи к другой, высвечивает идеологические принципы, лежащие в основе общей повествовательной конструкции.

---

[33] Зигмунд Фрейд рассматривает феномен коллективной амнезии в своей работе «Моисей и монотеизм». См.: *Freud S.* Moses and Monotheism [1939]. N.Y., 1967. Подобно памяти, амнезия не является неподвижным состоянием, но представляет собой постоянно меняющийся процесс. Таким образом, социум может восстановить свою память, оправиться от коллективной амнезии и воссоздать подавленное прошлое. См., например, обсуждение проблемы воссоздания утраченного прошлого Бернардом Льюисом: *Lewis B.* Op. cit. О диалектике воспоминания и забвения см. специальный номер журнала Communications (1989. Vol. 49), озаглавленный «La mémoire et l'oublie».

[34] Введением понятия «коммеморативное время» мы развиваем понятие нарративного времени, предложенное Ж. Женеттом. См.: *Genette G.* Narrative Discourse: An Essay in Method. Ithaca, 1980. P. 33—35.

[35] Эдвард Шилс заметил, что чаще всего «великие моменты» – это те события, которые, как считается, определили последующее развитие и, соответственно, придали ореол сакральности прошлому. См.: *Shils E.* Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, 1975. P. 198. Пример того, как длительный исторический процесс затушевывается в общественном сознании, когда какое-то событие оказывается выбранным в качестве ключевого эпизода в различных ритуалах, связанных с сохранением памяти об этом отрезке прошлого, см.: *Zerubavel E.* Terra Cognita: The Mental Discovery of America. New Brunswick, 1992.

Высокая «коммеморативная плотность», приписываемая определенным событиям, служит не только тому, чтобы подчеркнуть их историческое значение. Она может также выделять их из длинного ряда эпизодов, придавать им особый статус символических текстов, служащих ключом к пониманию других событий истории данного социума. Таким образом, в коллективной памяти историческое событие может превратиться в *политический миф*[36], через призму которого, как сквозь увеличительное стекло, члены данного сообщества видят настоящее и пытаются представить себе будущее. Поскольку поворотные моменты часто обретают символический смысл как знаки перемен, они скорее других трансформируются в политические мифы. Как таковые, они не только отражают социально-политические потребности социума, способствовавшие возникновению этого мифа, но сами становятся силой, формирующей эти потребности.

Став знаками глубоких исторических сдвигов и заместив собою в сознании людей целые переходные периоды, «поворотные моменты» обладают особым символическим смыслом. В силу этого они оказываются и самыми спорными и, в сравнении с событиями, безусловно относимыми в общей повествовательной схеме к определенному историческому этапу, в гораздо меньшей степени поддаются однозначной трактовке. Неоднозначность вытекает из пограничного положения «поворотных моментов» между двумя эпохами: они одновременно обозначают и уход от прошлого, и вступление в новую жизнь – мотивы, свойственные всем обрядам перехода[37]. Как пишет Виктор Тернер, «пограничные объекты и явления не принадлежат ни тому ни другому миру – они находятся между ними, не склоняясь ни к одной, ни к другой позиции, установленной законами, обычаями, условностями и обрядами каждого из этих двух миров. Потому в разные века у многих народов, ритуализирующих состояние перехода в культуре и обществе, неоднозначные, неопределенные свойства этих объектов и явлений находили и находят выражение в богатом арсенале символов».[38]

Как и в случае других обрядов перехода, любые действия, связанные с сохранением памяти об этих поворотных моментах истории, пронизаны чувством приобщения к святыне, но в то же время в них сквозит глубокое внутреннее противоречие. Это символическое состояние «порубежья», бытия на грани двух эпох, с одной стороны, придает «поворотным моментам» дополнительную неоднозначность, позволяет по-разному их интерпретировать, а с другой – способствует их превращению в политический миф, используемый как орудие в борьбе различных сил. Многозначность смысла может быть не столь заметной в конкретном случае отмечания памяти об этом эпизоде: вполне возможно, что в этот раз удалось подчеркнуть один определенный смысл этого события и подавить все другие возможные интерпретации. Однако сравнительное исследование различных мер, направленных на сохранение памяти об одном и том же «поворотном моменте» истории, позволяет заметить как противоречия в трактовках, так и поразительную способность мифа примирять конфликты между резко расходящимися прочтениями прошлого.

Именно эта способность и помогает понять, почему отдельные события продолжают занимать центральное место в исторической памяти того или иного сообщества – вопреки внутренним противоречиям, заложенным в бытующие о них представления. Пограничное положение «поворотных моментов» дает простор различным интерпретациям, сглаживает конфликты, существующие между разными трактовками, тем самым позволяя этим событиям сохранять сакральное значение, удерживаться на своем месте в рамках общей повествовательной конструкции. Порой, однако, хрупкое сосуществование противоречащих друг другу интерпретаций нарушается, миф не может более сдерживать внутренний конфликт между

---

[36] *Tudor H.* Political Myth. N.Y., 1972. P. 137—140.

[37] *Van Gennep A.* The Rites of Passage [1908]. Chicago, 1960. P. 11.

[38] *Turner V. W.* The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Harmondsworth, Middlesex, 1974. P. 81.

ними. В такие моменты начинается открытая борьба за прошлое, соперничающие группировки вступают в столкновение из-за того, как следует его трактовать. […] В подобных ситуациях хрупкое равновесие между господствующими в обществе представлениями о том или ином историческом событии – представлениями, выраженными в определенных повествовательных конструкциях, и другими, альтернативными представлениями – может быть нарушено, что, в свою очередь, вызывает более глубокие сдвиги в коллективной памяти общества.

Альтернативную повествовательную модель, прямо противоречащую общей повествовательной конструкции и существующую вопреки подавляющему превосходству последней, мы определили как *контрпамять*. Как предполагает этот термин, «контрпамять» в силу самой своей природы – память оппозиционная, враждебная господствующей коллективной памяти, обладающая подрывным потенциалом. Если общая повествовательная конструкция пытается искоренить альтернативные трактовки, то «контрпамять», в свою очередь, отрицает истинность общепринятых представлений о прошлом и настаивает на том, что предлагаемое ею прочтение лежит гораздо ближе к исторической правде. «Контрпамять» бросает вызов коллективной памяти не только в мире символов – несомненно, что она прямо связана с политикой. Общая повествовательная конструкция представляет образ прошлого, созданный политической элитой – он служит интересам этой элиты и способствует решению ее политических задач. «Контрпамять» бросает вызов их гегемонии, предлагая отличный от господствующей общей повествовательной конструкции нарратив, отражающий взгляды лиц, вытесненных на обочину общества. Таким образом, память может стать полем борьбы различных политических сил: используя различные памятные коммеморативные торжества и другие действия, направленные на сохранение памяти о прошлом, соперничающие группировки разворачивают свои трактовки истории данного сообщества для того, чтобы обрести контроль над политической системой или обосновать свою сепаратистскую позицию.[39]

Пользуясь термином «контрпамять», я вполне солидаризируюсь с представлениями Мишеля Фуко об оппозиционной, подрывной природе памяти. Однако я не разделяю его убежденности в фрагментарной природе этого феномена[40]. «Контрпамять» не обязательно ограничивается лишь созданием образа какого-то одного события – она может стать составной частью всей совокупности представлений о прошлом, вступающей в противоречие с господствующими взглядами. Даже в том случае, когда «контрпамять» бросает вызов сложившемуся представлению о конкретном историческом событии, она внушает особые опасения именно потому, что тем самым затрагиваются и образы многих других событий, так что в итоге под вопросом оказывается общая схема повествования, выражающая коллективную память о прошлом.

Действительно, подрывной потенциал «контрпамяти» хорошо осознается политическими режимами, запрещающими различным меньшинствам совершать те или иные ритуалы, направленные на сохранение своей коллективной памяти. В качестве примера можно привести известные усилия болгарских властей по подавлению турецкого, цыганского и мусульманского фольклора как «иностранного», чтобы тем самым способствовать созданию особого, отчетливо «болгарского» самосознания, предполагающего и соответствующий образ исторического прошлого страны[41]. Точно так же представления о прошлом африканеров сначала отражали

---

[39] См., например: *Leach E.* Political Systems of Highland Burma. Boston, 1954. Брюс Капферер в своей работе показывает, как противоборствующие взгляды на прошлое стали причиной кровопролития в Шри-Ланке. См.: *Kapferer B.* Legends of People, Myths of State: Violence, Intolerance, and Political Culture in Sri Lanka and Australia. Washington, DC, 1988; *Van Der Veer P.* Ayodhya and Somnath: Eternal Shrines, Contested Histories // Social Research. 1992. Vol. 59. № I. P. 85–109.

[40] См.: *Foucault M.* Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews / Trans. and ed. by Donald F. Bouchard. Ithaca, 1977. См. также, как рассматривается это понятие в работе Джорджа Липсица: *Lipsitz G.* Time Passages: Collective Memory and American Popular Culture. Minneapolis, 1989. P. 213.

[41] См.: *Silverman C.* Op. cit. P. 141—160.

противостояние между этим национальным меньшинством и британскими колонизаторами, позднее же их образы прошлого стали служить интересам политики апартеида в отношении чернокожего и цветного населения Южной Африки[42]. Даже в демократических обществах противоречия между коллективной памятью и «контрпамятью» разных групп с легкостью могут спровоцировать ожесточенные конфликты по поводу того, как следует рассказывать о прошлом и какие представления о нем ближе к истине. Полемика в американском обществе в связи с ежегодными торжествами в День благодарения наглядно это подтверждает: в то время как «американская традиция» отмечать этот праздник восходит к историческому восприятию первых переселенцев, ревизионистский подход настаивает на том, чтобы «вспоминать» в этот день и аборигенов Америки – и вспоминать их не такими, какими их увидели выходцы из Старого Света, а такими, какими они запомнили себя и свою встречу с европейцами. Проблема не ограничивается лишь каноном празднования Дня благодарения. Новый подход предполагает коренной пересмотр всей общей повествовательной конструкции, в рамках которой находят выражение господствующие представления о прошлом американской нации, в том числе и о ее истоках. Требование включить «контрпамять» аборигенов Америки в ту схему, которая ранее утвердилась в качестве коллективной памяти «всех американцев», предполагает переосмысление американцами своего национального самосознания, своей коллективной идентичности, утверждает право вытесненной на обочину части американского общества на более достойное место в истории. Наличие подобных противоречий и конфликтов в конечном счете приводит к изменениям в коллективной памяти и придает динамизм, не позволяющий ей превратиться в набор «реликтов прошлого», с которым современному обществу приходится мириться. Всякое действие, направленное на сохранение памяти о прошлом, придает коллективной памяти новый импульс, служит толчком к новым переменам. Давление «контрпамяти» тоже может способствовать поддержанию жизненных сил коллективной памяти, поскольку брошенный «контрпамятью» вызов стимулирует ответные действия. Коллективная память может успешно подавить оппозиционную память или удерживать ее под контролем, но может случиться и так, что «контрпамять» получит толчок к развитию и, по мере нарастания своей популярности, утратит оппозиционный статус и сама превратится в коллективную память. Великая Французская революция, как и большевистская революция в России, может служить примером попытки силового уничтожения старых схем, по которым выстраивались воспоминания о прошлом страны, превращения «контрпамяти» в официальную историческую память, служащую поддержанию нового политического, социального и экономического порядка. […]

[42] *Thompson L.* The Political Mythology of Apartheid. New Haven, 1985.

Этьенн Франсуа
«Места памяти» по-немецки: как писать их историю?

В тексте, опубликованном по-немецки чуть более трех лет назад, Пьер Нора, создатель и руководитель проекта «Места памяти», напомнил, что если на первом этапе речь шла о создании «символической топологии Франции», иными словами, о «подробном описании всех материальных и нематериальных мест, в которых воплотилась коллективная память», то постепенно рамки проекта существенно расширились. Исходной точкой проекта была гипотеза, согласно которой Франция представляет собой «реальность насквозь символическую», в конце же речь пошла уже о «новом подходе к написанию национальной истории». Пьер Нора задался целью создать «историю Франции второй степени» или, точнее, отреагировать на «радикальные перемены в традиционных формах национального чувства и в отношении французов к своему прошлому».[43]

Можно ли утверждать, что эта новая «история символического типа», впервые опробованная на примере Франции, применима только к этой стране? Следует ли видеть в ней результат «исключительного и почти невротического» (по выражению Жака Ле Гоффа) отношения французов к собственному прошлому, или же, напротив, эта новая парадигма может быть распространена и на другие страны, прежде всего на Германию?[44] Пьер Нора в упомянутой выше статье не дал четкого ответа на этот вопрос; конечно, он признал, что его метод, «особенно хорошо подходящий для французской ситуации, может, вероятно, принести пользу и применительно к другим национальным контекстам», однако, перечисляя чуть ниже те причины, по которым во Франции этот новый тип исторического исследования оказался в высшей степени востребованным, Нора отдает явное предпочтение факторам внутренним, сугубо французским (обстановка в «последеголлевской» Франции, исчерпанность революционной идеи) перед факторами более общего порядка, имеющими силу и по отношению к другим странам.

Итак, история – «французская страсть» (Филипп Жутар) и метод, использованный в «Местах памяти», служит новым подтверждением этого факта? Следует ли видеть в этом методе одно из выражений французского «особого пути», или же, напротив, метод этот может быть распространен и на гораздо более широкий круг объектов? Применим он исключительно к Франции или может быть действенным также и применительно к Германии?

Что касается меня, то сегодня я могу ответить с полной определенностью: разумеется, метод этот применим отнюдь не только к Франции. Уверенность моя, однако, относительно свежа и порождена ситуацией, сложившейся в самые последние годы. Задайся я подобным вопросом в 1986 году, когда вышел из печати первый том «Мест памяти», я, скорее всего, ответил бы на него совсем иначе. Дело в том, что в прежние годы между «формами национального чувства и отношением общества к своему прошлому» во Франции и Германии различий имелось куда больше, чем сходства.

Различия эти, кстати, никуда не делись и продолжают влиять на две основополагающие сферы: отношение ко времени и отношение к нации[45]. Если во Франции под историей понимается многовековое прошлое, восходящее если не к галлам, то, по крайней мере, к Средним

---

[43] *Nora P.* Das Abenteuer der “Lieux de mémoire” // Nation und Emotion / Hrsg. von Étienne François, Jakob Vogel und Hannes Siegrist. Deutschland und Frankreich im Vergleich 19 und 20. Jahrhundert. Göttingen, 1995. S. 83—92.

[44] Хотя бы по той причине, что и в этой стране отношения с прошлым носят в высшей степени «невротический» характер?

[45] В данном тексте я продолжаю размышления, начатые в трех предыдущих статьях, к которым позволю себе отослать читателя: *Francois É.* Nation retrouvée, “nation à contrecœur”: l’Allemagne des commémorations // Le Débat. 1994. № 78. P. 62—70; *Idem*. Von der wiedererlangten Nation zur “Nation wider Willen”: Kann man eine Geschichte der deutschen Erinerungsorte schreiben? // Nation und Emotion. S. 93–107; *Idem*. Rapport a l’histoire // Au jardin des malentendus. Le commerce franco-allemand des idées / Nouvelle éd. Augmentée; ed. Jacques Leenhardt et Robert Picht. Arles, 1997. P. 17—24.

векам, причем отношение к этой истории чаще всего едино у всей нации и носит позитивный характер, то в Германии, напротив, историческая рефлексия чаще всего сводится к размышлениям о двенадцати годах правления национал-социалистов (и о причинах их прихода к власти), причем центральное место в этих размышлениях занимает критика и даже самокритика[46]. Ибо в Германии проблемной оказывается сама история, разрывающаяся между тягой к нормальности и сознанием абсолютной исключительности нацизма. В самом деле, о каких «местах памяти» германской истории может идти речь, если, как справедливо заметил Юрген Хабермас, самым памятным из всех мест своей истории современным немцам приходится считать не что иное, как Освенцим?

Развал ГДР и объединение Германии, против ожидания, не переменили ситуацию коренным образом. Разумеется, сегодня под историей подразумевают не только историю нацизма, но и «вторую немецкую диктатуру», в которой видят уже не только жупел, но и загадку, которую необходимо разгадать, и, более того, прошлое, которое необходимо понять и принять [47]. Но если объект внимания изменился, господствующая тональность осталась прежней: от историков попрежнему требуют в первую очередь критики и самокритики. Отношение к истории ГДР зависит чаще всего от отношения к истории нацизма и от тех уз, которые связывали – или не связывали – историка с нацистским режимом. В результате, хотя объект внимания частично изменился, актуальность темы *Vergangenheitsbew ö ltigung* (преодоление прошлого) парадоксальным образом не только не уменьшилась, но даже возросла. В сегодняшней Германии серьезные обсуждения прошлого, затрагивающие все общество и вызывающие самый большой взрыв эмоций, по-прежнему касаются прежде всего и исключительно прошлого нацистского. Недавние примеры – дискуссия о поддержке гитлеровского режима историками, которые затем сыграли решающую роль в возрождении исторической науки в послевоенной Германии (дискуссия, разгоревшаяся на последнем конгрессе немецких историков в сентябре 1998 года), а также полемика, вызванная речью, которую произнес писатель Мартин Вальзер в октябре 1998 года, после вручения ему премии немецких издателей, и ответным выступлением председателя Центрального совета немецких евреев Игнация Бубиса. Конец этому бесконечному спору был положен только весной 1999 года, когда члены бундестага проголосовали за создание в Берлине, в непосредственной близости от Бранденбургских ворот, мемориала памяти жертвам Холокоста (Holocaust-Denkmal).[48]

Второе отличие от французов заключается в отношении немцев к собственной нации. Если во Франции существование французской нации воспринимается как само собой разумеющееся, в Германии именно это существование оказывается проблематичным и публичное обсуждение прошлого имеет целью не только разгадать тайну немецкой национальной идентичности, но и освободиться от этой тайны, заклясть ее. Эта особенность германской памяти, очевидная в таких эпизодах, как громкие торжества 1980-х годов или создание нового Немецкого исторического музея в Западном Берлине, также до сих пор не утратила своего значения. Конечно, с 3 октября 1990 года сомнений в наличии немецкой нации быть не может; больше того, впервые в истории Германии между нацией и государством установилось полное соответствие. Однако во многих аспектах эта нация существует скорее на словах, чем на деле, и предстоит еще немало сделать для того, чтобы придать ей завершенность, особенно в человеческих мыслях и представлениях. Для множества немцев нация продолжает оставаться источником мучительных вопросов, она не столько объединяет их, сколько разъединяет и создает

---

[46] Так обстоит дело прежде всего с прошлым «национальным»; выводы звучали бы иначе – и были бы гораздо ближе к тому, что можно сказать о французской ситуации, – если бы в поле нашего зрения попало отношение к прошлому местному или региональному.

[47] *Klessmann C.* Zeitgeschichte in Deutschland nach dem Ende des OstWest-Konflikts. Essen, 1998.

[48] Mahmal Mitte: Eine Kontroverse / Hrsg. von Michael Jeismann. Cologne, 1999; Das Holocaust-Mahnmal: Dokumentation einer Debatte / Hrsg. von Michael S. Cullen. Zurich, 1999.

новые сложности в том, что касается организации мемориальных мероприятий (как, например, увековечить в Бухенвальде или Заксенхаузене память десятков тысяч жертв НКВД, умерших в заключении в период с 1945 по 1949 год и похороненных в общих безымянных могилах, – и при этом не навлечь на себя обвинений в оправдании нацизма?), преподавания истории в начальной и средней школе (министры образования отдельных немецких земель до сих пор не сумели добиться единодушия в отношении учебных программ и инструкций для преподавателей[49]) или в области градостроительства (что, например, делать с Дворцом республики, открытым в центре Берлина в бытность его столицей ГДР, а после объединения Германии закрытым, согласно официальной версии, по причине избытка асбеста в стенах?). Выбирая способ увековечить прошлое, нация одновременно выбирает свое будущее, и отсутствие четких и однозначных решений перечисленных проблем достаточно ясно показывает, как трудно единой (вновь объединенной) Германии – этой, по выражению мюнхенского историка Кристиана Мейера, «нации поневоле» – воспринять себя как нацию и осознать себя таковой.

Сами термины, в которых идет обсуждение проблемы памяти на разных берегах Рейна, свидетельствуют о коренном различии двух стран и двух наций. Во Франции во главу угла ставятся три понятия: «память нации, национальная идентичность, национальное наследие». В Германии же дело обстоит совсем иначе: если понятие «идентичность» употребляется так же часто (и так же невнятно), как во Франции, представление о «памяти» остается достаточно зыбким и даже не имеет единого словесного выражения (в немецком языке французскому *m é moire* соответствуют целых два слова: сравнительно редкое *Ged ä chtnis* (память) и гораздо более употребительное, но чисто описательное *Erinnerung* (воспоминание); наконец, о «национальном наследии» речи вообще практически не идет, скорее всего, потому, что соответствующее немецкое слово (Erbe) было дискредитировано нацистами, у которых оно было в большой чести, а затем политиками ГДР.

Различия между французским и немецким отношением к национальному прошлому очень велики. Следует ли, однако, сделать из всего сказанного вывод, что написать «историю Германии второй степени», создать ее «символическую топологию» (я повторяю процитированные выше слова Пьера Нора) невозможно?

Если двадцать или тридцать лет назад такое утверждение звучало бы, вне всякого сомнения, справедливо, сегодня оно уже не соответствует реальному положению дел. За последние годы немецкое общество претерпело целый ряд изменений, результатом которых стало сближение немецкого и французского подходов к прошлому – сближение, которое, разумеется, не отменяет перечисленных выше различий, но уменьшает их значимость и превращает из абсолютных в относительные. С другой стороны, в то же самое время французское отношение к национальному прошлому утратило большую часть своей исключительности. Не случайна та поразительная синхронность, с которой Франция и Западная Германия два десятка лет назад вступили в «мемориальную эру» и принялись увековечивать события своего прошлого.

Среди проявлений этого мемориального бума (причины которого, впрочем, исследованы пока недостаточно[50]) назовем три, представляющиеся нам наиболее существенными. Первое – значительный рост мемориальных мероприятий, начиная с празднования «года Лютера» (1983), которое размахом и разнообразием церемоний оставило далеко позади скромные юбилеи 1946 и 1967 годов (западногерманским устроителям придавало дополнительный пыл соревнование с восточными немцами, отмечавшими в том же 1983 году столетие со дня

[49] Это отсутствие единодушия связано не только со спорами, которые вызывает история Германии, но и со стремлением представителей разных земель отстоять независимость в сфере образования и культуры.

[50] Среди структурных причин сближения Франции и Германии в том, что касается мемориальных церемоний, можно назвать, по крайней мере в качестве гипотезы, постоянно возрастающую роль туризма как массового культурного и общественного явления, а также то обстоятельство, что временная дистанция, отделяющая нас от трагических событий Второй мировой войны, становится с каждым годом все больше.

смерти Карла Маркса), и кончая неумеренно пышным празднованием пятидесятилетия со дня окончания Второй мировой войны в 1995-м. Причем мирная и порой даже откровенно сочувственная атмосфера мероприятий 1995 года резко контрастировала с куда более напряженной атмосферой, в которой протекали аналогичные мероприятия десятью годами раньше. Второе проявление того мемориального бума, о котором идет речь, – увлечение историческими выставками, начиная с успеха штутгартской выставки 1977 года, посвященной Гогенштауфенам (успех этот, превзошедший самые оптимистические ожидания, обозначил резкую перемену в общественных настроениях), и кончая тем интересом, с которым в нынешнем 1999 году были встречены в Германии как нескончаемые торжества по случаю 250-й годовщины со дня рождения Гете (Веймар по этому случаю был даже провозглашен «культурной столицей Европы»), так и празднование пятидесятилетия создания ФРГ и десятилетия со дня падения Берлинской стены, ставшего первым шагом на пути к объединению Германии. Большая выставка «Единство – Право – Свобода. Пути немцев, 1949—1999» (Einigkeit und Recht und Freiheit. Wege der Deutschen, 1949—1999), открытая в берлинском музее «Мартин Гропиус Бау» (Martin-Gropius-Bau) в мае нынешнего [1999] года, пользуется у публики неослабевающей популярностью, и организаторы надеются, что число посетителей превысит полмиллиона. Наконец, третье проявление мемориального бума – мода на исторические музеи. Первым серьезным шагом в этом направлении стало превращение выставки «Вопросы к немецкой истории» (Fragen an die deutsche Geschichte), открытой в 1971 году в связи с празднованием столетия постройки Рейхстага, в постоянную экспозицию. Второй существенной инициативой, которую следует упомянуть, было принятое в 1982 году решение (в определенном смысле явившееся следствием успеха тех выставок, которые проходили в 1981 году в связи с «годом Пруссии») построить в Западном Берлине большой Немецкий исторический музей (Deutsches Historische Museum), задуманный изначально как ответ на открытие в Восточном Берлине, в здании бывшего арсенала прусских королей (Zeughaus), Музея немецкой истории (Museum für deutsche Geschichte). Один из «парадоксов истории» заключается в том, что после падения Берлинской стены Немецкий исторический музей разместился в том самом здании, где прежде располагался его конкурент. Наконец, третьим важным шагом стало открытие в 1994 году в Бонне Дома истории Федеративной Республики Германии (Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland), прославляющего – умно, тонко и с использованием новейших технических достижений – успехи немецкой (западногерманской) демократии. Что же касается Берлина, то достаточно упомянуть недавнее завершение строительства Еврейского музея по проекту архитектора Даниэля Либескинда (шедевр, не имеющий себе равных) или начало работ по расширению Немецкого исторического музея (под руководством архитектора И.М. Пея), чтобы стало ясно: исторические музеи в Германии по-прежнему пользуются большим спросом.

Параллельно наблюдается возрождение интереса немецких историков к истории Германии, а с недавних пор – к истории коллективной памяти и исторического сознания. Если исторические книжные серии, выходившие до этого, состояли преимущественно из монографий, адресованных специалистам, то в начале 1980-х годов три крупных немецких издательства почти одновременно и с большим шумом основали серии, предназначенные для широкой публики: к сочинению книг издатели привлекли известных историков, всерьез озаботились стилем, иллюстрациями, качеством печати. Публике эти амбициозные замыслы пришлись по вкусу; ответом на ее ожидания стала «Малая история Германии», выпущенная несколько лет назад в Мюнхене. Написанная одним из самых блестящих историков своего поколения, Хагеном Шульце, богато иллюстрированная репродукциями экспонатов берлинского Немецкого исторического музея, книга эта имела огромный успех; за два года было продано более ста

тысяч экземпляров[51]. В самое последнее время стали выходить (или готовиться к выходу) многочисленные работы, посвященные коллективной памяти и ориентирующиеся – порой опосредованно, а порой совершенно явно – на «французский» тип исследований такого рода. После публикации пионерских статей Томаса Ниппердея «Национальная идея и национальный памятник в XIX веке» (1968) и «Кельнский собор – памятник нации» (1981)[52] внимание немецких историков привлекают в особенности две области. Первая – это, разумеется, память о нацизме, причем в последние годы в работах, посвященных этой теме, наблюдается особенный интерес именно к феноменам памяти (а не только к историографическим и политическим аспектам, до сих пор остававшимся излюбленными предметами анализа). Из огромного потока литературы на эту тему выделим книги Юргена Даниэля, Норберта Рая, Джефри Херфа, Петера Райхеля, Петера Штайнбаха и Эдгара Вольфрума[53]. Вторая область, вызывающая повышенный интерес историков, – это национализация немецкой коллективной памяти в XIX и начале XX века. Здесь следует назвать в первую очередь (хотя список этот, разумеется, также не претендует на полноту) работы Фолькера Аккермана, Райнхарда Алингса, Алеиды Ассман, Вольфганга Хардтвига, Михаэля Ейсмана, Райнхарта Козеллека, Лотара Махтана, Шарлотты Такке, Винфрида Шпайткампа и Якоба Фогеля[54]. Увеличение числа исследований такого рода тем более характерно, что параллельно с ним крепнет и расцветает настоящая «немецкая школа изучения памяти», для которой характерно, наряду со старинным немецким пристрастием к философским и филологическим штудиям и интересом к истории понятий, близкое знакомство с новейшими тенденциями мировой науки. У истоков этой «школы», представители которой всегда отличались склонностью к теоретизированию, стояли Томас Ниппердей и Райнхарт Козеллек. Сейчас во главе ее стоят Ян и Алеида Ассман, чьи книги оказывают все более сильное влияние на публичные дискуссии и готовящиеся к печати исследования.[55]

Наконец, на развитие «немецкой истории второй степени» оказывают влияние (если не напрямую, то опосредованно) новые условия, создавшиеся в результате падения Берлинской стены, объединения Германии и перестройки европейского сообщества. Вновь сделавшись национальным государством, Германия не может не признать необходимости ощутить себя нацией. Причем делает это она в условиях, благоприятных как никогда – не только потому, что

---

[51] *Schulze H.* Kleine deutsche Geschicte (mit Bildem aus dem Historischen Museum). Munich, 1996. Эта книга к настоящему времени уже переведена на английский (продано 35 000 экземпляров), корейский, японский и польский языки. Готовится к выходу издание на французском.

[52] *Nipperdey T.* Nationalidee und Nationaldenkmal in Deutschland im 19. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1968. № 206. S. 527—585; *Idem*. La cathédrale de Cologne, monument à la nation // Réflexions sur l'histoire alle-mande / Trad. par Claude Orsoni. Paris, 1992. P. 222—245.

[53] Die geteilte Vergangenheit. Zum Umgang mit Nationalsozialismus und Widerstand in beiden deutschen Staaten / Hrsg. von Jürgen Danyel. Berlin, 1995; *Frei N.* Vergangenheitspolitik. Die Anfange der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996; *Herf J.* Divided Memory: The Nazi-Past in the Two Germanys. Cambridge, Mass., 1997; *Reichel P.* Politik mit der Erinnerung: Cedächtnisorte im Streit um die nationalsüzialistische Vergangenheit. München, 1999; *Steinbach P.* Widerstand gegen den Nazionalsozialismus in der Erinnerung der Deustchen. Paderborn, 1994; Umkämpfte Vergangenheit: Ceschichtsbilder, Erinnerung und Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich / Hrsg. von Petra Bock und Edgar Wolfrum. Göttingen, 1999. Назову также две книги, вышедшие в самое последнее время на французском языке: *Solchany J.* Comprendre le nazisme dans l'Allemagne des années zéro (1945—1947). Paris, 1997; *Gaudard P. – Y.* Le Fardeau de la mémoire. Paris, 1998.

[54] *Ackermann V.* Nationale Totenfeiern in Deutschland von Wilhelm I. bis Franz-Josef Strauß: Eine Studie zur politischen Semiotik. Stuttgart, 1990; *Alings R.* Monument und Tradition: Das Bild vom Nationalstaat im Medium Denkmal. Berlin; N.Y., 1996; *Assmann A.* Arbeit am nationalen Cedächtnis: Eine kurze Geschichte der deutschen Bildungsidee. Frankfurt, 1993; *Hardtwig W.* Nationalismus und Bürger-kultur in Deutschland 1500—1914, Ausgewählte Aufsätze. Göttingen, 1994; *Jeismann M.* Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegrift und Selbst-verständnis in Deutschland und Frankreich 1792—1918. Stuttgart, 1992; Der politische Totenkult: Kriegerdenkmäler in der Moderne / Hrsg. von R. Koselleck und Michael Jeismann. München, 1994; Bismarck und der deutsche National-Mythos / Hrsg. von Lothar Machtan. Bremen, 1994; *Ta c k e C.* Dehkmal im sozialen Raum. Nationale Symbole in Deutschland und Frankreich im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1995; *Speitkamp W.* Die Verwaltung der Geschichte: Denkmalpflege und Staat in Deutschland 1871—1933. Göttingen, 1996; *Vogel J.* Nationen im Gleichschritt: Der Kult der "Nation in Waffen" in Deutschland und Frankreich 1871—1914. Göttingen, 1997.

[55] *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hoch-kulturen. München, 1997; *Assmann A.* Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München, 1999.

«второе объединение Германии» произошло в предельно мирной и демократической форме, но и потому, что впервые за всю свою историю Германия ощутила, что значит идеальное совпадение между политическим представлением о себе самой как о государстве и культурным представлением о себе как о нации. Впервые за долгие годы «немецкий вопрос» не стоит перед Европой и миром. «Чудо» 1989—1990 годов положило конец ситуации, когда, по выражению Рихарда фон Вайцзекера, «немецкий вопрос оставался открытым, поскольку Бранденбургские ворота оставались закрытыми». «Берлинская республика» сумела сохранить плоды чистки и денацификации, которые явились одним из главных свершений «республики Боннской». В то же время объединение Германии прекрасно вписалось в более широкие рамки объединения Европы. Все это позволяет сегодня «Берлинской республике» смотреть на немецкое прошлое взглядом критическим, но более мирным и более готовым к вызовам будущего. В самом деле, объединение Германии и создание объединенной Европы позволяют осуществить двойную корректировку подхода к немецкому прошлому: с одной стороны, свободный и ничем не ограниченный доступ к архивам бывшей Восточной Германии позволит получить более взвешенное и четкое представление об истории Пруссии и Саксонии и, шире, о восточном аспекте немецкого прошлого. С другой стороны, есть основания полагать, что начавшаяся (и в некоторых сферах идущая полным ходом) нормализация отношений между Германией, ее восточными соседями и Россией (по модели послевоенного «примирения» с Францией) будет способствовать созданию партнерских отношений между исследователями и сделает наконец возможным мирное совместное изучение общей истории, трагической и трогательной разом. Таким образом, никогда еще, как мне кажется, условия для научного описания немецкой коллективной памяти в ее культурном и национальном измерениях не были столь благоприятны.

Заняв место директора Центра Марка Блока в Берлине, я решил собрать для осуществления этого проекта группу французских и немецких историков, сотрудничающих с нашим Центром. Все члены этой группы, действуя в рамках настоящего франко-немецкого диалога, прагматичного, плюралистичного и эффективного, начали свою работу с оценки того, что было сделано их предшественниками – коллективом под руководством Пьера Нора, работавшим над французскими «Местами памяти». Этому критическому подведению итогов, в котором охотно согласился принять участие сам Пьера Нора, были посвящены, в частности, научная конференция «Нация и эмоция», организованная в октябре 1993 года в Берлине вместе с Центром сравнительного изучения истории общества (Forschungsstelle zur Vergleichenden Gesellschaftsgeschichte) берлинского Свободного университета, и научно-практическая конференция, состоявшаяся в Берлине в мае 1995 года (она была организована Центром Марка Блока совместно с парижской Высшей школой социальных наук)[56]. В итоге всех этих обсуждений исследователи, учитывавшие также опыт других стран, таких как Нидерланды, Канада, Австрия или Италия[57], констатировали, что парадигма «мест памяти» (понимаемая в широком смысле как инструмент, позволяющий создавать «символическую историю», «историю второй степени») может быть применена, причем применена с большим успехом, отнюдь не только к Франции. Это был первый вывод, к которому пришли участники конференций; вторым стало признание того факта, что, имея дело с иной национальной историей, невозможно в точности повторить структуру французского проекта и методы работы французских исследователей – необходимо отыскать такой принцип работы и такой тип структурирования материала, который соответствовал бы немецкой специфике.

---

[56] Материалы конференции «Нация и эмоция» были опубликованы в одноименной книге, указанной в примеч. 2; доклады, обсуждавшиеся в ходе конференции 1995 года, были изданы в сборнике: Lieux de Mémoire, Erinnerungsorte: d'un modèle français à un projet allemand / Sous la dir. de Étienne François. Berlin, 1996 [Les Travaux de centre Marc Bloch. № 6].

[57] Lieux de mémoire et Identités nationales / Sous la dir. de Pim den Boer et Willem Frijhoff. Amsterdam, 1993; Waar de blanke top der duinen: En andere vaderlandse herinnerigen / Ed. N.C.F. van Sas. Amsterdam, 1995; I luoghi della memoria / Ed. Mario Isnenghi. Rome; Bari, 1997.

Работа, которая с самого начала велась – это следует подчеркнуть особо – в рамках франко-немецкого сотрудничества и не замыкалась внутри одной нации, позволила выделить четыре основополагающих принципа, которые должны быть положены в основу исследований и их превращения в печатный текст. Первый принцип – это, разумеется, соблюдение критического отношения к собственному труду: по причинам как политического, так и научного свойства все единодушно признали, что следует любой ценой воспротивиться превращению задуманного предприятия в попытку легитимации современного политического состояния Германии. Работа должна носить сугубо интеллектуальный, исторический характер. Вторым принципом должно быть внимательное (гораздо более внимательное, чем во французском случае) отношение ко всему, что связано со сломами, разрывами, конфликтами; этого требует специфика немецкой истории и культуры. В доказательство приведем всего один пример. Среди мест, достойных исследования («мест» как в географическом, так и в символическом смысле слова), одним из первых на ум, естественно, приходит Веймар. Однако Веймар неотделим от Бухенвальда, а сам Бухенвальд связан с памятью о двух противоположных этапах истории: сначала здесь томились в концлагере жертвы нацистского режима, а затем – жертвы режима советского. Третьим принципом должно стать стремление к открытости и плюрализму – открытости хронологической (не следует ограничивать сферу исследования XIX и XX веками, следует, напротив, рассматривать историю от Средних веков до современности), концептуальной (следует учитывать множественность толкований понятия «нация» в Германии, а также почти постоянное несовпадение между политическими формами и культурными реальностями, носящими зачастую весьма субъективный характер) и, наконец, открытости географической (следует учитывать отношения конфликта и дополнительности между различными пространственными сферами, к которым принадлежит та или иная личность, – от малой родины (Heimat) и земли или княжества до нации и/или Рейха). Наконец, последний принцип, имеющий первостепенное значение, – это необходимость уделять внимание общеевропейскому контексту, по причинам как содержательного свойства (тот факт, что Германия расположена в центре Европы, превращает ее в страну с наибольшим количеством соседей; границы Германии и состав населяющих ее народов постоянно менялись; отсюда – огромная роль таких факторов, как контакты и обмены), так и свойства методологического (следует учитывать ту роль, которую сыграла в построении и эволюции немецкой национальности и идентичности динамика взамодействия с иностранцами). На практике этот последний принцип должен приводить к выбору в качестве объектов исследования, во-первых, «смешанных мест», таких как Страсбургский собор, являющийся «местом памяти» одновременно для эльзасцев, французов и немцев, или поле битвы при Танненберге («место памяти» разом и немецкое, и польское), а во-вторых – реплик, авторство которых принадлежит иностранцам, «посторонним» – прежде всего таких сочинений, как «Германия» Тацита или «О Германии» мадам де Сталь.[58]

Коллективное обдумывание стратегии изучения немецких «мест памяти», осуществлявшееся в первую очередь в ходе упомянутых выше конференций, продолжилось в разработке конкретных тем в рамках семинара, организованного берлинским Свободным университетом. Семинар этот, которыми руководили мы с Хагеном Шульце, начал функционировать зимой 1995/96 года и продолжал свою работу в течение семи семестров, до зимы 1998/99 года. Вместе с группой студентов, увлеченных этой работой и преданных ей, мы изучали теоретические труды, имеющие отношение к «местам памяти», составляли «немецкий» список таких мест (реки и люди, регионы и мифы, Берлин и Рейх) и даже сделали попытку выйти за пределы Германии и заняться памятными местами Европы в целом. Интерес, который эта тематика вызвала у студентов, качество докладов и письменных работ, интенсивность и плодотворность

[58] См., например: La Germanie de Tacite et l'originalité allemande // Le Débat. 1994. № 78. P. 42—61.

обсуждений позволили убедиться в осуществимости проекта, оценить серьезность предложенных тем и, наконец, исследовать некоторые из этих тем более подробно.

Контакты с участниками семинара и с немецкими и иностранными исследователями, проявившими интерес к нашему проекту, позволили нам с Хагеном Шульце набросать возможный состав будущих сборников; мы постоянно возвращались к этой работе и переделывали ее, потому что стремились выработать такие перечни «мест памяти» и такую структуру книги, которые были бы разом и убедительны, и удобны для читателя. Исходя из наблюдения, сделанного самим Пьером Нора, мы в конце концов остановились на следующем решении: берутся восемнадцать центральных понятий, по большей части непереводимых (от *Bildung* до *Zerrissenheit*, не говоря уже о *Erbfreind, Freiheit, Leistung, Reich* и *Schuld*), затем вокруг каждого из них выстраивается «гроздь ассоциаций», почерпнутых из различных регистров коллективной памяти и изложенных в пяти-шести статьях. Например, к понятию *Leistung* (выполненная работа, успех, результат, показатели) имеют отношение следующие статьи: «Die D-Mark», «Krupp», «Die Bundesliga», «Die STASI», «Das goldene Handwerk», «Die Hanse». Общий список таких статей включает в себя около сотни позиций; впрочем, каждая статья порождает собственные ассоциации, отсылки и неожиданные выводы (точно так же работает сама память). Таким образом, предложенная структура не замыкает немецкую память в жесткий каркас, но, напротив, сообщает ей форму открытого лабиринта, который разжигает воображение и побуждает к открытиям.

Наконец, летом 1998 года, заручившись поддержкой двух немецких фондов, а главное, получив согласие от мюнхенского издателя Бека, мы начали заказывать статьи авторам, причем обращались не только к известным исследователям и признанным специалистам по той или иной теме, но также к молодым историкам и самым талантливым из участников нашего семинара. Принципиально важным мы считали также привлечение к работе не только немцев, но и иностранцев (их число должно было составлять не меньше 20% от общего числа участников). Эта подготовительная фаза заняла в общем чуть больше полугода, и результат ее превзошел наши ожидания: большинство намеченных нами авторов ответили согласием; общение с ними помогло нам расширить рамки нашего проекта и уточнить его составляющие. Статьи, которые уже сданы, внушают большой оптимизм. Жребий брошен, мы пустились в путь и рассчитываем за ближайшие два года добраться до конечной точки.

В завершение этого короткого рассказа о готовящемся издании я хотел бы привести три цитаты: две из них принадлежат немецким историкам, одна – французскому. Первая заимствована из предисловия к «Краткой истории немецкой идеи *Bildung*» Алеиды Ассман:

> В заново объединенной Германии, остро нуждающейся в национальных символах, размышления о национальной памяти важны как никогда: особый путь (Sonderweg) Германии, приведший ее к гитлеровскому режиму и его последствиям, делает решение этого вопроса столь же сложным, сколь и неотложным. Освенцим стал национальной катастрофой, взорвавшей культурную память немцев, и процесс этот не завершился еще и сегодня. Однако неверно было бы думать, что катастрофа эта обрекает немцев на бездейственность памяти; совсем напротив, она побуждает их более пристально и более критично взглянуть на ту сложную роль, которую играла и играет культурная память в немецкой истории.[59]

Вторая цитата – отрывок из столь же проницательной, сколь и побуждающей к дальнейшим разысканиям книги моего друга и соратника Хагена Шульце «Gibt es überhaupt eine deutsche Geschichte?». Книга эта, опубликованная всего за несколько месяцев до падения Бер-

[59] *Assmann A.* Op. cit. P. 2.

линской стены, заканчивалась следующим утверждением: «Только включение в европейский контекст возвратит немецкой истории то, чего ей недостает как истории национальной: особость и преемственность».[60]

И, наконец, третья цитата, перекликающаяся со второй, принадлежит, как и следовало ожидать, Марку Блоку. Он любил повторять: «Истории Франции не существует; существует лишь история Европы». Разве можно сомневаться в том, что мысль эта, которая никогда не звучала так актуально, как сегодня, еще больше подходит к истории Германии?

[60] *Schulze H.* Gibt es überhaupt eine deutsche Geschichte. Berlin, 1989. S. 70.

Тони Джадт
«Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память?

I

Когда вы едете на машине по прекрасным скоростным автомагистралям Франции, изумительно вписанным в окрестный ландшафт, невозможно пропустить необычные указатели, отстоящие друг от друга на небольших промежутках. Заметные, но при этом не вызывающие раздражения, выдержанные в теплых, мягких тонах, эти щиты установлены парами: сначала вы видите указатель, на котором помещены два или три символа – достаточно наглядные и занимательные, чтобы привлечь к себе внимание автомобилиста, но все же требующие некоторого дополнительного объяснения – гроздь винограда или стилизованное изображение горы или замка. Затем, примерно через километр – расстояние как раз достаточное, чтобы сидящие в машине задались вопросом, что бы это значило, – появляется второй такой же щит, на котором сообщается, что вы проезжаете мимо виноградников Бургундии, Реймсского собора или горы Св. Виктории. И действительно, слева или справа от дороги (стрелка на втором указателе покажет вам, куда надо смотреть) видны виноградники, готический шпиль или живописный холм, знакомый нам по картинам Сезанна. Далеко не всегда за этими указателями последует ответвление главной дороги – их цель вовсе не в том, чтобы помочь вам добраться до изображенной на них достопримечательности, и уж тем более не в том, чтобы рассказать вам о ней. Эти щиты поставлены, чтобы рассеять дорожную скуку, подсказать современному путешественнику, через какие места он, сам того не зная, проезжает. Ирония состоит в том, что узнать об этом вы сможете, лишь двигаясь по скоростной магистрали, надежно отгороженной от окружающего ландшафта.

Кроме того, эти указатели намеренно и недвусмысленно назидательны: они рассказывают вам об историческом прошлом Франции или о ее настоящем, неразрывно связанном с этим прошлым (о виноделии, например), так чтобы у вас создалось вполне определенное представление об этой стране. «Да! Да, конечно! – говорим мы. – Поля сражений под Верденом, римский амфитеатр в Ниме, пшеничные поля области Бос…» Размышляя о богатстве и многообразии этой страны, о ее древних традициях и об испытаниях, выпавших на ее долю в XX веке, у нас в сознании возникает определенный образ, общие с другими людьми воспоминания о Франции. На скорости свыше 100 километров в час мы движемся по Музею истории Франции – сама Франция стала для нас таким музеем.

Франция, конечно, уникальна в этом отношении. Но не одна она превратилась в огромный музей под открытым небом. Все мы живем в эпоху постоянных юбилеев и годовщин. По всей Европе и Америке воздвигнуты мемориалы, памятные доски, открыты музеи и исторические центры – все это создано для того, чтобы напомнить нам о нашем наследии. В этом нет ничего принципиально нового: в Греции, на месте битвы при Фермопилах, на памятнике царю Леониду (памятник воздвигнут в 1955 году) можно прочитать древнегреческий текст, обращенный к путнику с призывом сохранить память о героическом подвиге трехсот спартанцев, погибших в сражении с персами в 480 году до н. э. В Англии существует древняя традиция отмечать память не только побед, но и поражений – от поражения англосаксов в битве при Гастингсе (1066) до эвакуации английских войск, блокированных немцами в районе Дюнкерка в 1940 году. Город Рим – это огромный музей под открытым небом: на его улицах и площадях перед нами проходит вся история западной цивилизации. История США окружает нас повсюду в Америке – от колониального Вильямсбурга до Маунт-Рашмор.

Так было всегда, но в наши дни появилось и нечто новое. Мы отмечаем гораздо больше памятных дат, мы спорим друг с другом о том, какие события в нашей истории следует отмечать и как их нужно отмечать. До самого последнего времени (по крайней мере в Европе) весь смысл музея, мемориальной доски или памятника состоял в том, чтобы напомнить людям о том, что они и без того знают сами (или думают, что знают). Сегодня, однако, все эти вещи служат другим целям. Музеи и памятники теперь создаются для того, чтобы рассказать людям о вещах, о которых они могут ничего не знать, совершенно забыли или вовсе никогда не слыхали. Все сильнее нас охватывает страх, что мы забудем свое прошлое, что оно исчезнет, затеряется в суете настоящего. Мы отмечаем память об утраченном мире – иногда еще до того, как его утратим.

Воздвигая памятники или создавая копии предметов старины, мы рискуем еще больше забыть о прошлом: созданный нами символ или законсервированные руины подменяют собой прошлое. Мы тешим себя иллюзией, что сохраняем прошлое, в то время как его подлинный смысл ускользает от нас, оставляя нам лишь сувенир на память. Вспоминаются слова Джеймса Янга: «Как только мы заключаем память в монументальные формы, мы в определенной степени снимаем с себя обязанность помнить… Ошибочно полагая, что наши памятники всегда будут с нами, чтобы напоминать нам о прошлом, мы уходим прочь от них и возвращаемся, лишь когда нам заблагорассудится». Кроме того, памятники – воинские мемориалы, например, – со временем сливаются с окружающим ландшафтом, становятся частью прошлого – вместо того, чтобы напоминать нам о нем.[61]

В Соединенных Штатах об этих проблемах вспоминают, когда разгорается очередная «война памяти». Кто имеет право определять содержание и оформление музейной экспозиции, устанавливать мемориальную доску или знак, решать, какой смысл несет для потомков поле сражения? Эти стычки – всего лишь часть той борьбы, которую ведут в сфере культуры разные группы населения за свое самоопределение, свое самосознание – национальное, региональное, языковое, религиозное, расовое, этническое, половое. В Польше или в Германии споры о том, как следует отмечать память о недавнем историческом прошлом, привели в итоге к тому, что общество этих стран с обостренным, болезненным вниманием обратилось к теме уничтожения европейских евреев – спланированного в Германии и проведенного в жизнь в концентрационных лагерях на польской земле. Вместо ностальгических воспоминаний о героическом прошлом мемориальные акции, посвященные этим событиям, намеренно пробуждают скорбь и гнев. Некогда эти памятные торжества были проверенным средством, вызывающим у людей ощущение единства, воспитывающим чувство сопричастности к жизни своей «малой родины», своей страны, своего народа. Теперь же они стали одним из основных поводов к расколу в обществе, как это произошло во время недавнего обсуждения вопроса о том, нужно ли воздвигать памятник жертвам Холокоста в Берлине.

Историкам принадлежит ключевая, но не вполне понятная роль в этих процессах. Не следует излишне противопоставлять историю и память: задача историков не исчерпывается сохранением от имени всего общества памяти о прошлом, – однако этим они тоже должны заниматься. Говоря словами Милана Кундеры, простое сохранение памяти – это тоже одна из форм забвения, и в конечном счете именно историки должны исправлять ошибки людской памяти[62]. Так, например, недавно в Ницце на одной из центральных улиц города были повешены новые таблички с названием «Проспект Жуана Медесина, консула Ниццы, 1928—1965». Перед нами – политически корректная попытка напомнить прохожим о том, что жители этого французского города некогда говорили на напоминающем итальянский язык провансальском

---

[61] *Young J. E.* The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning. Cornell, 1993. P. 5. См. также: *Sherman D.* Art, Commerce and the Production of Memory in France after World War I // Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. by John R. Gillis. Princeton, NJ., 1994. P. 186—215.

[62] *Kundera M.* Testaments Betrayed: An Essay in Nine Parts. N.Y., 1995. P. 128.

диалекте, и тем самым подчеркнуть особый характер Ниццы. Однако Жан Медсэн, мэр города Ниццы с 1928 по 1965 год, не проявлял никакого интереса к местным диалектам и обычаям Прованса, никогда не писал свое имя или должность в старинной провансальской орфографии – подобно большинству своих избирателей, он ощущал себя французом и общался на французском языке. Перед нами всего лишь один пример из целого ряда подобных случаев, когда происходит подмена прошлого во имя вполне конкретных потребностей сегодняшнего дня – здесь историк по крайней мере может помочь восстановить истину.

Таким образом, историки действительно имеют дело с памятью. В силу нашей профессии мы давно уже занимаемся критикой и исправлением официальной, публичной памяти о прошлом, которая решает свои особые задачи. Более того, при написании современной истории или истории недавнего прошлого память является бесценным источником. Она не просто вносит дополнительные детали и формирует нашу точку зрения – сама история складывается из ответов на вопросы: что сохраняется в памяти общества? что предается забвению? каким целям служат воспоминания о прошлом? Так, Саул Фридлендер написал книгу, посвященную истории евреев в нацистской Германии, опираясь на воспоминания – свои собственные и воспоминания других людей. Задавшись вопросом: какого рода воспоминания сохранили французы о годах оккупации и режиме Виши и что из этой эпохи оказалось забыто, – Анри Руссо рассказал о всей истории послевоенной Франции. В его исследованиях память стала действующим лицом истории, в то время как сама история в какой-то мере предстала перед нами в своей более древней роли – особого мнемонического приема, с помощью которого удается сохранять память о вещах.[63]

Таким образом, когда французский историк Пьер Нора проводит строгое различие между «памятью», которая «поднимается из глубин прошлого, исходит от тех групп, которые она помогает объединить», и «историей», которая «принадлежит всем и не принадлежит никому и потому имеет универсальное предназначение», то на первый взгляд кажется, что он слишком далеко заходит в этом противопоставлении. Разве все мы не согласны с тем, что невозможно провести четкую грань между объективным и субъективным способом познания прошлого, что подобное деление – лишь пережиток прошлого, доставшийся нам от старого, достаточно наивного подхода к историческому исследованию? Почему же в таком случае руководитель самого известного и авторитетного современного исследования, посвященного проблеме исторической памяти нации, начинает свое введение с того, что настойчиво утверждает столь строгое различие?[64]

Чтобы понять подход Пьера Нора и общекультурное значение массивного многотомного (три части, семь томов, 5600 страниц!) издания под общим названием «Места памяти», главным редактором которого он был с 1984 по 1992 год, мы должны снова обратиться к Франции и ее уникальному прошлому[65]. Франция не только старейшее национальное государство в Европе с многовековой историей сильной центральной власти, давно сформировавшимся национальным литературным языком и административным аппаратом, восходящим по крайней мере к XII веку, – по сравнению с другими государствами Западной Европы эта страна дольше других сохраняла свой древний облик. Ландшафт Франции, характерный уклад жизни деревенской общины, повседневные занятия и быт ее провинциальных городов и сел в гораздо меньшей степени были затронуты влиянием промышленности, современных средств транспорта и коммуникации, социальными и демографическими изменениями, нежели это было в Великобритании, Германии, Бельгии, Италии или любой другой стране западного мира.

---

[63] *Friedl ä nder S.* Nazi Germany and the Jews. N.Y., 1997. Vol. I: The Years of Persecution, 1933—1939; *Rousso H.* The Vichy Syndrome: History and Memory in France since 1944. Cambridge, Mass., 1991.

[64] *Nora P.* General Introduction: Between Memory and History // Realms of Memory: The Construction of the French Past / Ed. by Pierre Nora; English-language edition ed. by Lawrence D. Kritzman; trans. by Arthur Goldhammer. N.Y., 1996. Vol. I. P. 3.

[65] Les Lieux de mémoire / Ed. Pierre Nora. Paris, 1984—1992. T. I: La République; T. II: La Nation; T. III: Les Frances.

Точно так же и политическое устройство Франции – структура административного аппарата на уровне всей страны и ее отдельных областей, отношения между центральной и местной властью, иерархия органов управления в сфере юстиции, налогов, культуры, образования, от Парижа и до самого маленького поселка, – все это почти не менялось на протяжении столетий. Конечно, Великая французская революция уничтожила политические формы Старого Порядка. Однако их авторитарное содержание и дух были воссозданы во времена империи и республики верными наследниками монархии Бурбонов, начиная с Робеспьера и Наполеона Бонапарта и кончая Шарлем де Голлем и Франсуа Миттераном.

Череда политических смут и волнений XIX века не оставила глубоких следов в повседневной жизни большинства французов. Даже противостояния правых и левых, монархистов и республиканцев, коммунистов и голлистов с течением лет постепенно сглаживались в национальном политическом и культурном ландшафте. Подобно отложениям горных пород, наслоения идеологических баталий былых времен стали частью общего прошлого страны. Как заметил Филипп Бюррен, «Франция всегда стремилась к тому, чтобы осмыслить свои внутренние конфликты в исторической перспективе и представить свою историю в категориях борьбы».[66]

Однако в 1970-х – начале 1980-х годов вся эта конструкция, которую с любовью называли *la France profonde* (глубинная Франция), *la douce France* (сладостная Франция), *la bonne vieille France* (добрая старая Франция), *la France é ternelle* (вечная Франция), стала, по мнению самих французов, разваливаться на глазах. Модернизация сельского хозяйства в 1950–1960-х годах, миграция крестьянских сыновей и дочерей в города постепенно привели к оскудению и запустению сельской местности – несмотря на то что товарной продукции деревня стала производить гораздо больше. Большие и малые города страны, пребывавшие до тех пор в сонной атмосфере заброшенности и хронического недостатка средств, пробудились к жизни, заполнились людьми, ключом забила деловая активность. Оживление национальной экономики вызвало глубокие изменения в структуре занятости нового класса городских жителей, характере и маршрутах их поездок, способах проведения досуга. Десятилетиями зараставшие травой железные и автомобильные дороги Франции были отремонтированы, перестроены или полностью заменены новой сетью магистралей национального значения.

В трудные послевоенные годы первые перемены были еще не так заметны. Изменения начали нарастать в 1960-х – эпоху всеобщего процветания и оптимизма. По-настоящему последствия этого переворота стали ощутимы только десятилетие спустя – до того момента люди обращали внимание на приобретения, но не на потери. Однако к 1970-м годам французы с тревогой и растерянностью стали оглядываться назад в прошлое, которое большинство взрослых людей еще застало в своем детстве и которое теперь исчезало на глазах. Это чувство утраты совпало по времени с распадом другой неотъемлемой черты всего уклада жизни в стране, черты, доселе казавшейся вечной, – политической культуры, заложенной еще Великой французской революцией. Благодаря усилиям историка Франсуа Фюре и его коллег Революция была свергнута со своего пьедестала – она перестала служить мерилом прошлого и будущего французской нации, определять политическое самосознание ее граждан. На этом фоне в 1970-х годах постепенно закатилась и звезда Французской коммунистической партии, утратившей свой авторитет и голоса избирателей. Марксизм тоже потерял привлекательность в глазах интеллигенции.

На президентских выборах 1981 года победил кандидат от социалистической партии, однако уже в течение первых двух лет своего пребывания на этом посту Франсуа Миттеран отказался от всех основных принципов традиционного социализма – от обещаний достойно завершить революционные преобразования, начатые левыми в 1792 году, приверженность которым во многом и помогла ему прийти к власти. В 1970 году умер Шарль де Голль, чья

[66] *Burrin P.* Vichy // Realms of Memory. Vol. I. P. 182.

харизматическая личность объединяла вокруг себя правых. Традиционный альянс между консервативными силами и католической церковью тоже оказывался изрядно подточенным по мере того, как население Франции утрачивало интерес к религиозной жизни: некогда усердные прихожане переселялись из небольших населенных пунктов в крупные города, где быстро забывали дорогу в церковь. К началу 1980-х годов были подорваны самые основы французской общественной жизни.

Наконец, и с большим опозданием, французы осознали, что их страна перестала занимать лидирующее положение на международной арене, – так, по крайней мере, утверждает Пьер Нора[67]. Перестав быть великой державой, Франция потеряла и статус ведущей силы в регионе – этому помешало неуклонное возрастание роли Западной Германии. Все меньше и меньше людей в мире владело французским языком – экономическое и культурное господство США и вступление Великобритании в Европейский союз означали, что в итоге весь земной шар будет говорить по-английски. С политической карты мира исчезали последние французские колонии, а возродившийся в 1960-х годах интерес к локальным и региональным наречиям и культурам, казалось, угрожал целостности и единству самой Франции. В то же самое время другое наследие 1960-х годов – требование пролить свет на самые темные стороны национального прошлого – стимулировало растущий интерес к истории режима Виши 1940—1944 годов, память о котором, ради достижения национального примирения, стремились предать забвению де Голль и его современники.

Напуганным современникам казалось, что перед ними разворачивается единый процесс, все части которого как-то связаны между собой: Франция одновременно модернизировалась, уменьшалась в размерах, раскалывалась на части. В то время как Франция, скажем, в 1956 году в своих основных чертах оставалась достаточно схожей с Францией образца 1856 года, вплоть до поразительного сходства карт географического распределения политических и религиозных пристрастий населения, – Франция образца 1980 года почти ничем не напоминала страну десятилетней давности. В ней не осталось ничего прежнего: никаких преданий старины, никакой прошлой славы, никаких крестьян. В «Местах памяти» это чувство прекрасно передал с печальной иронией Паскаль Ори. В разделе, озаглавленном «Гастрономия», он пишет: «Неужели из всего, что некогда было с нами и что теперь оказалось совсем забыто, уцелела лишь французская кухня?»[68]

Амбициозный проект Пьера Нора появился на свет в эпоху сомнений и растерянности. Его замысел даже подчеркивал неотложность поставленной задачи – ведь все прочно утвердившиеся в общественном сознании основы того, что называлось Францией, исчезали день ото дня, незыблемый порядок вещей, существовавший при дедах и прадедах, уходил в прошлое. То, что некогда было повседневностью, бытом, превращалось в историческую достопримечательность. Многовековой уклад жизни Франции – от типов полей до церковных процессий, от передававшихся из поколения в поколение воспоминаний о жизни своей деревни до запечатленной в слове и камне официальной истории страны – все это пропадало на глазах. Этот уклад еще не стал историей, но он уже перестал быть неотъемлемой частью коллективного опыта нации.

Налицо была настоятельная потребность запечатлеть этот момент, сохранить образ Франции, с большим трудом переводящей свое прошлое из сферы живого, личного опыта в разряд истории, определить в исторических категориях целый ряд национальных традиций, кото-

---

[67] «Во Франции… особая выраженность этого феномена (коммеморации, стремления к сохранению памяти. – *Т.Дж.*) связана не столько с какими-то конкретными событиями, сколько с поразительным богатством французской истории, с глубиной разрыва с прошлым во время Революции и с постоянным перемалыванием собственного прошлого, чем постоянно занимается страна, чувствующая, что ее вытеснили из круга великих держав» (*Nora P.* The Era of Commemoration // Realms of Memory. Vol. III. P. 610).

[68] *Ory P.* Gastronomy // Realms of Memory. Vol. II. P. 443.

рые отмирали на глазах. «Места памяти (lieux de mémoire), – как отмечает Пьер Нора в своей вводной статье к многотомнику, – существуют потому, что они перестали быть средой памяти (milieux de mémoire), пространством, в котором память является неотъемлемой частью повседневного существования людей». Что же такое «места памяти»? «<Они>, в сущности, есть не что иное, как следы… обряды, сохранившиеся в культуре, где не осталось никаких ритуалов, мимолетные вторжения сакральных сил в мир, где больше не действуют законы магии, осколки местечковых привязанностей и симпатий в обществе, решительно избавляющемся от любых проявлений местечковости».[69]

«Места памяти» – выдающееся исследование, очень французское по своему духу. С 1984 по 1992 год Пьер Нора координировал усилия почти ста двадцати ученых, в большинстве своем французов, почти все они были профессиональными историками. Перед ними Нора поставил задачу запечатлеть в 128 статьях то, что представляет собой (или чем была раньше) Франция. Критерии отбора сюжетов менялись с течением времени. В первой из опубликованных частей речь шла о «Республике» – о символах, монументах, юбилеях и памятных торжествах, педагогических приемах, с помощью которых в XIX—XX веках во Франции утверждалась идея республики (например, статья о парижском Пантеоне). Вторая часть, в три раза превышающая первую по объему, была посвящена «Нации». Она затрагивает самые разные вопросы – от географии и историографии до символов и материальных воплощений национальной славы (например, Верден и Лувр), значения языка и литературы в истории страны (Французская академия), а также образов, связанных с государственной властью (Версаль, национальная статистика). Третья часть – «Франции» – больше двух первых частей, вместе взятых, и содержит в себе почти все, что может быть как-то связано с Францией и что не вошло в первые две части.

Таким образом, к 1992 году издание вышло из своих первоначальных берегов и приобрело энциклопедический характер. Ушел и единый методологический подход, характерный для первых двух частей. Показательно введение Пьера Нора к английскому переводу этой работы, заметно отличающееся от его же вступительной статьи в первом томе французского издания, опубликованном двенадцатью годами ранее. «Место памяти (lieu de mémoire), – пишет теперь Нора, – это любое значимое явление, вещественное или нематериальное по своей природе, которое по мановению человеческой воли или под воздействием времени приобрело статус символа в мемориальном наследии того или иного сообщества (в данном случае, – французского народа)». В таком случае трудно придумать что-то – слово, место, имя, событие или идею, – что не подходило бы под это определение. Как заметил один иностранный рецензент: «К концу книги читатель-иностранец теряет нить повествования. Есть ли во Франции хоть что-то, что не было бы „местом памяти“?»[70]

---

[69] *Nora P.* Between Memory and History. P. 3, 6–7.

[70] «En fin de parcours, le lecteur étranger perd le fil. Qu'est-ce qui n'est pas lieu de mémoire?» (*Boer P. den.* Lieux de mémoire et l'identité de l'Europe // Lieux de mémoire et identités nationals / Eds. Pim den Boer et Willem Frijhoff. Amsterdam, 1993. P. 17). См. также: Nora P. Preface to the English-Language Edition // Realms of Memory. Vol. I. P. xvii.

II

Пьер Нора всегда настаивал на том, что его проект задуман как исследование, направленное против таких исторических сочинений, которые служат лишь прославлению памяти о том или ином событии или выдающемся деятеле. Труд Нора и его коллег был призван запечатлеть, проанализировать и опровергнуть различные исторические мифы, вымыслы и воспоминания «о том, чего не было». Однако, как с горечью замечает Нора в заключительной статье последнего тома, эта работа обрела странную судьбу – воспевание прошлого одержало в ней победу и теперь уже само исследование стало «местом памяти» в науке. Тому было несколько причин.

Во-первых, Пьер Нора является очень крупной фигурой в интеллектуальной жизни Франции, и к реализации главного дела своей жизни он привлек лучших французских специалистов. Каждая из статей монументального издания «Мест памяти» представляет собой маленький шедевр, значительный вклад в изучаемую проблему. Соответственно, эти несколько томов приобрели статус фундаментального справочного издания – со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками.[71]

Во-вторых, к моменту вызревания замысла Нора распался давно сложившийся «канон» событий, имен и памятников истории Франции – исчезло единство мнения по поводу того, *что* и *почему* следует считать национальным наследием. Это как раз тема творчества Пьера Нора. С его точки зрения, «разрушение объединяющих нацию государственных структур подорвало всю совокупность традиций, которая служила обобщенным символическим выражением этого государства. Нет больше „коммеморативного супер-эго“: канон исчез». Соответственно, сегодня все, что угодно, может занять место некогда тщательно оберегаемого в силу своей воспитательной и эстетической ценности национального наследия, стать основой для публичных воспоминаний, претендовать на то, чтобы память о нем сохранялась в потомстве.[72]

Этот процесс заметно ускорился в 1988 году благодаря усилиям Джека Лана, министра культуры в правительстве Миттерана. По политическим мотивам он дополнил список охраняемых государством памятников «культурного наследия» Франции (который раньше ограничивался такими достопримечательностями, как Пон дю Гар или крепостные стены XIII века в Эг-Морт) детскими яслями, организованными в Провансе в XIX веке, или мраморной стойкой бара в Café du Croissant, за которой лидер социалистов Жан Жорес выпил последнюю в своей жизни чашечку кофе перед тем, как пасть от руки убийцы в июле 1914 года. Вполне в духе эпохи постмодернизма потрескавшийся от времени фасад Hôtel du Nord на парижской Набережной туманов был также внесен в перечень объектов, входящих в состав национального наследия, – в память о популярном в свое время одноименном фильме Марселя Карнэ (при том, что сам фильм был полностью снят в павильоне киностудии).

[71] П. Нора, помимо своей научной известности, является главным редактором издательства Gallimard, ведущего издательского дома Франции, и отвечает за содержание Le Débat – одного из самых влиятельных периодических изданий страны, ориентированного на читателя-интеллектуала. Некоторых из сотрудников редакции П. Нора привлек к своему проекту.

[72] *Nora P.* The Era of Commemoration. P. 614.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.